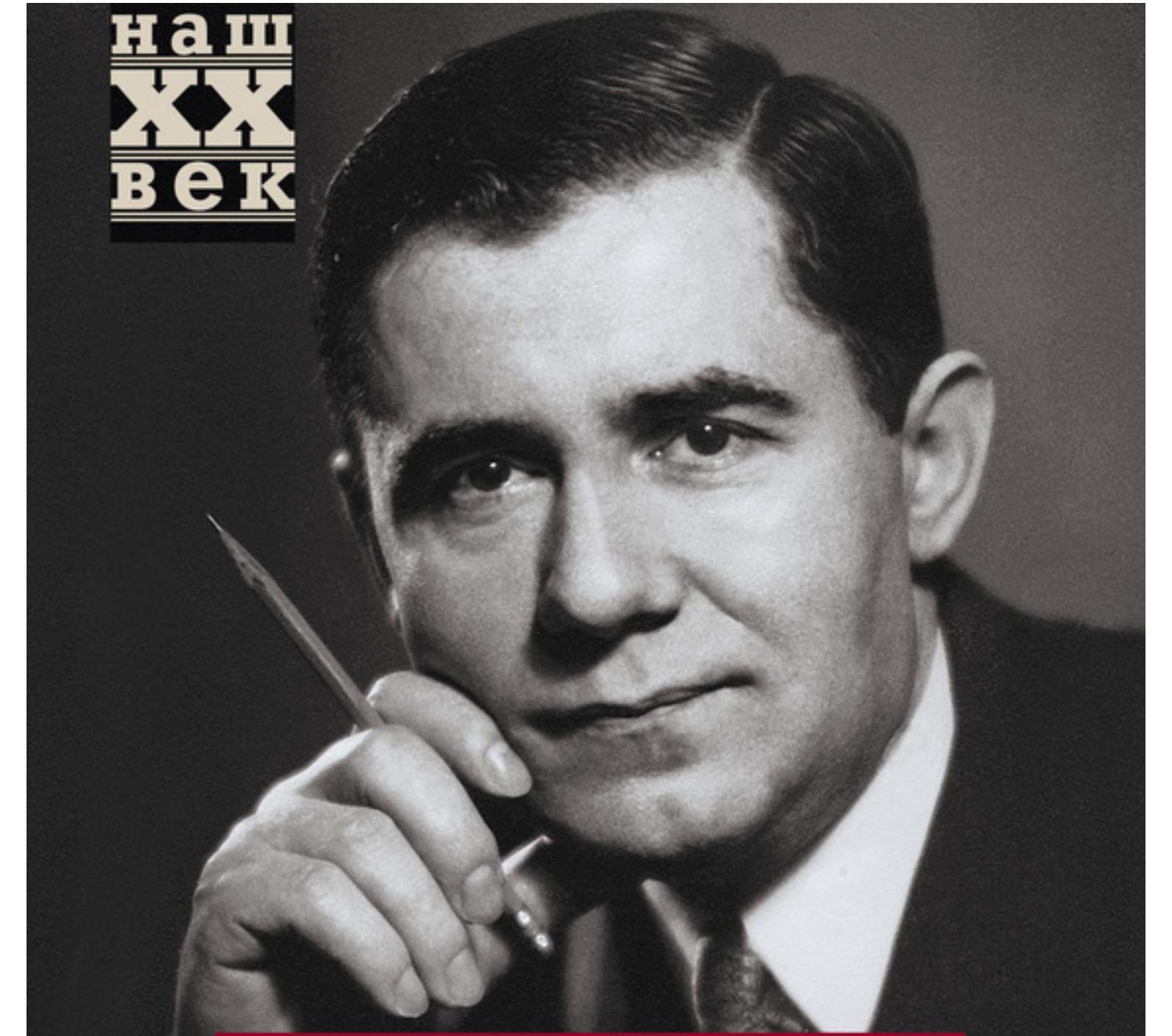

Наш
XX
век

A black and white portrait of a man with dark hair, wearing a suit and tie. He is holding a pen in his right hand, resting it against his chin. The background is dark and out of focus.

АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ

ГРОМЫКО

★
ПАМЯТНОЕ
НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ

Наш XX век

Андрей Громыко

**Памятное. Новые
горизонты. Книга 1**

«Центрполиграф»

2015

Громыко А. А.

Памятное. Новые горизонты. Книга 1 / А. А. Громыко —
«Центрполиграф», 2015 — (Наш XX век)

Андрей Андреевич Громыко, дипломат и государственный деятель СССР, министр иностранных дел и председатель Президиума Верховного Совета СССР. В первой книге своих мемуаров Андрей Громыко рассказывает о своем детстве, юности, семье, а также о первых уверенных шагах на государственном поприще. Упорство, трудолюбие и целеустремленность Андрея Андреевича помогли ему сделать головокружительную карьеру самого выдающегося дипломата советской эпохи. Жизненный девиз Громыко стал неумолимым кредо советской дипломатии: «Лучше десять лет переговоров, чем один день войны». Воспоминания А.А. Громыко – это летопись советской жизни. Книга охватывает самые важные вехи XX века как для всего мира, так и для Советской России. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

Содержание

Слово об отце – Андрее Андреевиче Громько	5
От автора	8
Глава 1	11
Немного истории	12
В семье крестьянина-бедняка	14
Родители и родственники	17
И грянула Первая мировая...	22
Поверья давних лет	23
Ленин и его помощники	28
Бесчинства кайзеровских оккупантов	29
«Ночные университеты»	32
Читать, читать, читать...	34
«Партия жива, с ней и будем жить»	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Андрей Андреевич Громыко

Памятное. Новые горизонты. Книга 1

Издательство благодарит за помощь в издании книги Эмилию Андреевну Громыко-Пирадову, Анатолия Андреевича Громыко, Алексея Анатольевича Громыко

Слово об отце – Андрее Андреевиче Громыко

Внешняя политика – это пересечение многих координат мировой политики в целом. И в Москве как раз эти координаты пересекаются.

Москва, МИД стали для нашей семьи центром политической жизни, и этот центр имел два адреса – Смоленская-Сенная площадь и наш дом.

Здание на Смоленской-Сенной было не просто официальным адресом, а домом, где кипела работа всего мидовского коллектива, где всегда находился Громыко. Там местом, которое полностью вместило дух Громыко во всей открытости его уникального дипломатического таланта и обаяния человеческой личности. Полагаем, что он чувствовал себя там уверенно, там он был среди своих.

Отец мог работать где угодно: на Смоленской, на даче, на отдыхе, в самолете, дома, на охоте, даже на другой планете. Рука его всегда была на пульсе жизни. Формировались задачи, вырабатывались проекты решений, писались коммюнике...

Вместе с отцом в мир дипломатии пришла его дружина – замечательные специалисты, каждый из которых украшение и вершина дипломатического искусства.

Громыко обладал редким качеством дипломата, которое состояло еще и в том, что он заряжал команду своей энергетикой так, что весь «дипломатический оркестр» играл на высочайшем уровне. Дипломаты – это люди, преданные своему делу всей душой, всем сердцем. И сегодня многие испытывают ностальгию по тому времени, когда все работали и жили так, чтобы сделать все возможное и невозможное, чтобы больше никогда не повторилось 22 июня.

Не можем не выразить свое высочайшее почтение к личности отца. Общение с ним навсегда останется в нашей памяти. Все, что Громыко сделал, продвинуло вперед и ввысь дело советской дипломатии; все это способствовало укреплению престижа нашей страны.

Со дня кончины А.А. Громыко сменились поколения. Представление и понимание его личности не деформировалось под нажимом современности. Уверены, что память о нем останется в многоголосье молодого XXI века. Мы, его современники, помогаем ее сохранить.

А.А. Громыко поднялся на такую высоту в дипломатии, что ничто не сможет умалить значение его роли в советской истории и истории международных отношений той эпохи, в которую он жил и работал.

В течение всей жизни отца рядом с ним всегда находилась Лидия Дмитриевна Громыко – великая женщина, «мотор» нашей семьи, которой мы, дети, обязаны всем.

В мемуарах отца «Памятное» читатель постоянно будет встречать образ Лидии Дмитриевны. Она как бы незримо присутствует на всех этапах замечательной биографии своего супруга. Она по справедливости делила с ним как все тяготы, так и все радости его необычной, не похожей ни на чью, жизни. «Мой домашний госсекретарь», – тепло говорил он о своей половине. Папа относился к маме трепетно, нежно, души в ней не чаял.

Наши родители прожили вместе пятьдесят девять лет. Они всю жизнь практически не расставались друг с другом и как бы составляли вместе одно целое. Заботу о папе мама считала своей первостепенной обязанностью.

Мама проводила большую общественную работу. За свою жизнь она организовала огромное количество протокольных мероприятий, как в нашей стране, так и за рубежом.

Наши родители жили во времена грозные и радостные, строгие и счастливые. Каждый из них был личностью с большой буквы. Их образы являются для нас, членов семьи Громыко, примером, и мы с огромным уважением и почтением несем их через нашу жизнь.

Все близкие Громыко люди, каждый по-своему, помнят моих родителей и отдают им должное. Большие талантливые личности, обладающие мощным зарядом энергетики, всегда широко раскрывают свои способности. Их внутренний мир находится в гармонии и душевном равновесии. Несмотря на то что отец спортом как таковым не занимался, когда ему исполнилось шестьдесят лет, он стал каждый день заниматься гимнастикой с гантелями, не забывая брать гантели и в заграничные командировки. Когда выезжал на море – много плавал, делал зарядку на пляже. Однако истинным удовольствием для отца была ходьба, которой он увлеченно занимался и летом и зимой. В начале 70-х годов он установил для себя железное правило: каждый вечер выходить на прогулку на 30–40 минут (иногда получалось полтора часа) и неотступно его придерживался, за исключением, конечно, периодов заграничных командировок.

Отец любил классические живопись и музыку, особенно оперную. Опера заняла особое место в его жизни. Это было искусство, синтезирующее музыку и зрительные образы. Он собрал коллекцию картин, хотя не был коллекционером. Для него это собрание стало частью огромного мира искусства. В этом же ряду стоит увлечение Громыко кинематографом.

Встречи и душевные беседы с писателями, поэтами, актерами, кинорежиссерами, музыкантами, художниками, скульпторами стали для отца не только отдушиной, но и позволяли ему лучше и шире воспринимать окружающий мир.

Отец увлекался охотой. Она для него была абсолютно другим миром. Он заметил, что это занятие в какой-то степени отключало его от дел, «отпускало» его с работы.

Охота для отца была не только встречей и единоборством с ловкими и опасными хищниками, но и великолепной возможностью ощутить неповторимость и загадочность окружающего мира. На природе он переживал волнующие моменты, любясь ее необыкновенной красотой, ощущал полную гармонию между ней и человеком, его душа наполнялась покоем, а он – силой, свободой и радостью познания.

Хорошим отдыхом для себя отец считал чтение книг. Он очень любил книги, печатное слово. Читал художественную и мемуарную литературу, интересовался эпистолярным творчеством выдающихся русских и западноевропейских писателей и поэтов, зачитывался также историческими произведениями, особенно по русской истории. С удовольствием читал философские труды великих интеллектуалов, живших в разные эпохи. Критический анализ прошлого, настоящего и будущего с философской, экономической и политической точек зрения чрезвычайно привлекал его.

Вечерами мы могли видеть, как отец в минуты отдыха усаживался поудобнее в кресло, брал томик того или другого автора и погружался в процесс чтения. Отец читал увлеченно. Иногда он с нами, членами семьи, делился впечатлениями о прочитанном. Он собрал большую библиотеку, которая включала также и книги по искусству, в основном на русском и английском языках. Папа считал, что книга является чрезвычайно важным фактором воспитания человека и что формирование его мировоззрения в значительной степени зависит от правильно подобранной библиотеки.

Отец был человеком неординарным. Свой дар на дипломатическом, политическом поприще он в полной мере раскрыл благодаря своей фантастической одаренности и трудолюбию. Он был человеком исключительной энергии. Он обладал высоким профессионализмом, феноменальными способностями и памятью, высоким чувством ответственности. Он был честен в политике и чист нравственно. Все это делало его уникальным явлением среди множества политических деятелей современного мира.

Громыко был приверженцем интеллектуальных традиций, духовной атмосферы, которые окружали его. Его сущность была настолько содержательна и глубока, что все превратное не исказит ее.

Громыко является образцом дипломата. Интеллектуальность и выразительность его образа глубоко запечатлелись в памяти современников. Многим выпало счастье находиться рядом с ним, работать с ним бок о бок или просто наблюдать за ним со стороны. Все это способствовало развитию у окружающих его людей чувства сопричастности происходящим историческим процессам.

Перед вами – яркая личность. А дипломат он по судьбе. В дипломатическом мире он является мерилем отношения к делу и к своей жизни в целом.

Более полвека своей жизни отец отдал Отчизне. Вся его деятельность была направлена на обеспечение безопасности нашей страны, на установление и развитие дружественных отношений с другими странами мира, на возвышение роли и престижа нашего государства на мировой арене и в глобальной политике.

Отец обладал мощным умом. Он был мудрым человеком. Мы полагаем, что он знал о своем предназначении и находил соответствующие средства по его осуществлению. Жизнь дается один раз. Отец прошел ее осмысленно, красиво. Он занял достойное место в истории советской дипломатии, заложившей добротный фундамент для последующего позитивного развития нашей внешней политики. Отец был беззаветно предан своей Родине. После ухода из жизни он оставил после себя память как о человеке, уверенно направлявшем наш корабль по волнам мирового океана в штиль и бурю.

Переиздание мемуаров Андрея Андреевича Громыко «Памятное» является своевременным и благородным. В своих воспоминаниях отец еще раз прошел свой жизненный путь. Он писал о том, к чему имел отношение, и о том, за чем просто наблюдал. Отец дал объективную оценку событиям, участником которых он был, дал правдивую характеристику деятельности лиц, с которыми сталкивала его судьба и которые также имели отношение к происходящим событиям. Он написал в первую очередь о том, что было ему наиболее близко, что больше всего его волновало.

В заключение хотим сказать, что Громыко был одним из выдающихся и неповторимых дипломатов XX века, оказавших сильное влияние как на историю советской дипломатии, так и на историю международных отношений второй половины XX века. С его именем связаны многие исторические события XX века, века больших надежд и великих свершений.

Эмилия Андреевна Громыко-Пирадова

Анатолий Андреевич Громыко

2014 год

От автора

Эта книга появилась на свет не внезапно. Идею написать воспоминания предлагали мне многие люди. Такую же мысль высказывали и товарищи по работе, и близкие, и совершенно незнакомые советские граждане, и даже иностранцы.

Часто я получал письма, в которых на разные лады задавался простой вопрос: «Скоро ли появятся мемуары?»

Попадались и такие, в которых содержалась как бы обида на то, что я не считаюсь с желанием людей почитать мои воспоминания.

А у меня, кроме весьма туманного намерения когда-нибудь в будущем приступить к написанию чего-то подобного, долго ничего определенного не имелось. Но все же, когда мимо мельком пронесся мой семидесятый «верстовой столб», я задумался... А может быть, и в самом деле написать?

Медлил я с решением отчасти потому, что с ранних лет привержен привычке: взявшись за какое-то дело, постараться обязательно его закончить.

Не хотелось мне выступать с воспоминаниями и «тягаться» с профессиональными литераторами, но потом все же подумал: «Ведь я видел то, что редко кто мог увидеть, лично был знаком и беседовал с теми, кого профессиональные писатели вряд ли могли знать близко». Поэтому я решил писать по-своему, может быть, без интригующего сюжета, но зато о том, как все происходило в жизни.

Итак, оставалось взять карандаш, бумагу и начать работу. Точка отсчета – мои родные, заря детства и первые шаги в жизни. А затем – лента прожитого стала проходить перед глазами. Трудность, и немалая, состояла в том, чтобы отделять существенное от второстепенного.

Но понемногу просеивание фактов, эпизодов, лиц и событий стало не столько затруднять дело, сколько даже помогать ему. Помогать потому, что постоянно расширялся горизонт обзора.

Старался я равняться на массового читателя, уровень которого в наше время в нашей стране достаточно высокий. Но, с другой стороны, не хотел жертвовать существом проблем во имя придания воспоминаниям популярности ради популярности.

Вот уже почти полвека, как я имею дело не с десятками, а даже с сотнями деятелей из самых разных стран мира. Среди них – политики и общественные деятели, военные и ученые, представители творческой интеллигенции и делового мира. В числе моих собеседников имелись и такие люди, которых просто невозможно отнести ни к одной из упомянутых категорий.

Какое богатство человеческих характеров, политических взглядов, типов мышления! Человек, профессионально занятый творческой деятельностью, дал бы, конечно, присущими ему приемами более объемную характеристику этим людям, их внутреннему миру, мировоззрению, психологии. Литература изобилует, например, интереснейшими произведениями, герои которых имеют отношение к вопросам войны и мира, а то и к сфере дипломатической деятельности.

Разумеется, в данной книге не ставилась задача дать художественное описание персонажей из внушительной галереи лиц, которых я встречал на разных перекрестках жизни. Однако мне хотелось сказать о них свое слово, используя то, что вытекало из личного опыта. И хотелось прежде всего сказать о тех деятелях, которые непосредственно стояли или стоят у штурвала политики своих государств, вырабатывают и осуществляют эту политику, придавая ей соответствующее направление. Речь, понятно, идет о политике внешней.

Итак, данная книга содержит воспоминания автора прежде всего о встречах и беседах с государственными деятелями многих стран мира, а также о важнейших внешнеполитических

событиях. Временной отрезок – это в основном последние полвека. Таким образом, содержание книги представляет собой как бы сплав: люди, события, время.

Многое происходившее в мире за этот период имеет поистине исторический характер. Это относится прежде всего ко Второй мировой войне и великой Победе над фашистскими агрессорами, на века прославившей нашу страну и ее героический народ.

Главной осью, вокруг которой как бы вращалась моя деятельность на тех постах, которые мне доверяли партия и государство, являлась в основном советская внешняя политика.

Читаю и перечитываю написанное. Где-то оно отрывочно, в чем-то неполно. Так ведь и воспоминания – это свойство человеческой памяти – сами по себе не могут быть полным отражением всего того, что происходило тогда.

Существует парадокс XX века. Человечество получило возможность использовать энергию атома и проникнуть в космос, но вместе с тем создало и угрозу для самих условий своего дальнейшего существования.

Устранить парадокс можно только одним путем – снять угрозу, нависшую над человечеством. Это требует не только нового мышления, о котором уже много написано и сказано в наши дни, но и перевода его в практические дела, в политику государств, прежде всего ядерных, в первую очередь крупнейших ядерных.

Проанализировать общую картину – дело научных трудов. Свою же задачу я рассматриваю как более узкую: по возможности полнее вспомнить те события, в которых участвовал сам, тех людей, с которыми столкнула меня судьба.

Писать воспоминания, на мой взгляд, вещь всегда нелегкая. В силу принятой традиции необходимо сообщить какой-то минимум автобиографических данных. Но главное, конечно, не в этом, а в том, чтобы осмыслить огромное множество проблем, так или иначе влиявших на судьбы мира, актуальных проблем, с которыми человечеству приходится иметь дело. Другими словами, речь прежде всего идет об основных политических событиях, с которыми был связан, и это вполне логично.

Хотел бы подчеркнуть, что в своей работе мне доводится выступать в одном строю со многими советскими, партийными и государственными деятелями, сформировавшимися при советской власти, в условиях социализма, в условиях претворения в жизнь воли ленинской партии, воли народа. В этом, в частности, отражается и тот простой факт, что внешняя политика Советского Союза последовательна, миролюбива, защищает интересы народа. Ей чужда конъюнктура.

Общаясь с людьми недостаточно сведущими, чувствуешь, что они часто видят в дипломатии эдакое стремление или умение обхитрить партнера по переговорам, может, в чем-то и «провести» его, сказать к месту удачное словцо, блеснуть неожиданным афоризмом, ловко привести неизвестную собеседникам цитату. Это, конечно, весьма далекое от истины представление.

Деятельность полномочного представителя, особенно за рубежом, включает в себя огромный круг обязанностей, но прежде всего способность проанализировать, точно воспроизвести проблему, изложить ее в емком виде.

С 1985 года я работал на посту Председателя Президиума Верховного Совета СССР, с большим удовлетворением выполняя обязанности, которые доверены мне партией и государством.

Особенно хочется подчеркнуть тот огромный диапазон проблем, который приходится рассматривать в настоящее время Президиуму Верховного Совета СССР. Все они в той или иной степени связаны либо с социально-экономическим развитием нашей страны, либо с ее постоянной внешнеполитической линией на упрочение мира во всем мире.

Поездки в другие города страны давали мне возможность встречаться с разными людьми: от рабочих на производстве до государственных деятелей, членов ЦК КПСС. Такое общение

делало возможным глубоко заглядывать в те проблемы, которые имеются у нас в стране, обдумывать их и решать. Постоянная связь с массами в значительной мере обогащает, помогает успешнее трудиться.

Могу только выразить огромную благодарность Центральному комитету партии за все те возможности, которые мне были предоставлены.

Еще одно. С начала сознательной жизни я – убежденный коммунист, преклоняющийся перед могучей силой учения Маркса – Энгельса – Ленина.

Люди строят дом. Еще нет этого дома, но есть конструкции, которые постепенно преобразуются в этажи, лестничные площадки, коридоры и комнаты. Он еще не готов, этот дом, но его уже в процессе стройки люди называют домом. Так и коммунистическое общество, которое строит наш народ под руководством Коммунистической партии, – это не мерцающая, не недостижимая звезда, а реальный процесс созидания, которым занят весь наш народ. Маршрут нашего движения ясно указан XXVII съездом КПСС.

Коммунисты на земле стали реальной могучей силой, их – миллионы.

Я горжусь тем, что вношу свой скромный вклад в общее дело партии и народа, в дело мира и коммунизма.

Не скажу, что взялся я за работу над этой книгой без колебаний. Рассуждал просто. Воспоминания хороши, если они читаются с интересом. А если они его не вызывают, то зачем их тогда излагать на бумаге?

Писатель-художник в известном смысле в менее сложном положении. Он населяет свое произведение такими персонажами, которые, по его мнению, обязательно должны привлечь внимание читающей публики. Они могут быть героями, людьми «так себе» и даже жуликами.

Но все здание художественного произведения должно вызывать у читателя интерес. Трудясь над воспоминаниями, автор всегда берет героев из жизни. Могут сказать: так проще, чем выдумывать героев, а следовательно, и легче.

Это верно. Но верно и другое.

Каким бы скромным ни старался быть автор, он все-таки сам идет по дороге собственной жизни и рассказывает не только о поступках других, но и о своих собственных. Для него написанная им книга как бы зеркало, которое он создал и которое отражает не только поведение других людей, их мысли, силу и слабость, мировоззрение. Оно отражает прежде всего его собственные качества, их грани, личностные и общественные.

Очень сложна задача для каждого автора воспоминаний – не впасть ни в одну из крайностей. Он не имеет права, если хочет быть объективным, заставлять зеркало отражать реальность в кривом изображении. Любой человек, желающий передать другим свои мысли и суждения о людях или событиях, должен находить ту золотую середину, которая позволяет ему не навлечь на себя упреки в том, что он необъективен.

Автор только тогда будет вести читателя уверенно через всю книгу, если сумеет найти эту середину.

Конечно, немало зависит и от того, какова палитра слова произведения. В этом отношении всякая стоящая книга всегда имела и будет иметь свое оригинальное лицо. Это относится и ко всей мемуарной литературе.

Не мне судить о достоинствах и недостатках «Памятного», которое я с покорностью отдаю на суд читателя.

Глава 1

В начале жизненного пути

Человеческая память – удивительна. За повседневными заботами, все новыми и новыми событиями, как правило, не хватает времени предаваться воспоминаниям о днях минувших. Поэтому иногда кажется, что жизнь безжалостно стирает былое и пережитое. Но это только кажется.

Когда остаешься с собой наедине, то нескончаемой чередой проходят картины прошлого. Особенно настойчиво всплывают в памяти те, которые относятся к ранним годам жизни. Вначале я пробовал как бы игнорировать этот период. Однако память непроизвольно возвращает к годам детства и отрочества. И яркость событий тех лет почти не потускнела.

Нет, не случайно многие из тех, кто рассказывает о заре своей жизни, отдают в ней должное времени детства, разумеется, той его поры, когда память уже отчетливо фиксировала события. Как волнует и сегодня каждого читателя повествование о детстве, отрочестве и юности, которое оставил нам, например, гигант литературы Лев Толстой. Как прекрасно рассказал о своих детских годах замечательный русский писатель Сергей Аксаков. А Максим Горький!

До наших дней дошла весть о примечательном факте. Выдающийся философ-материалист Древней Греции Демокрит прожил более ста лет. Величие его в науке состоит хотя бы в том, что физика и химия оперировали понятием «демокритовского» атома вплоть до конца XIX века, то есть до тех пор, пока его «неделимый» атом не стал «расщепляемым». На закате дней мыслитель вдруг лишил себя зрения.

– Зачем ты это сделал? – спросили его.

Мудрец ответил:

– Чтобы лучше видеть.

Это произошло, как гласит окутанная дымкой времени легенда, почти двадцать пять столетий назад.

Знаменитый сын страны, о периоде расцвета которой К. Маркс говорил как о «прекрасном детстве человечества», явно хотел этим жестоким по отношению к себе поступком подчеркнуть могущество человеческой мысли и силу человеческой памяти, запечатлевающей объективно существующую реальность и неразрывно скрепляющую связь времен – прошлого, настоящего и будущего.

Каждый, кто извлекает из кладовой своих воспоминаний россыпи ярких для него впечатлений, относящихся к прошлому, желая сделать их достоянием и других, воспроизводит все это, конечно, в манере и способами, свойственными именно ему. Но это как раз и ценно, так как позволяет полнее прикоснуться к явлениям, событиям, фактам былого и глубже их понять. И никто не может сказать, как бы выглядело человечество, если бы оно не научилось передавать свой опыт в книгах, изваяниях, живописи, архитектуре и во всем, что создано умом и трудом человека.

Хочу дать несколько штрихов, относящихся к моим ранним годам. Сделать это решил потому, что вся последующая жизнь – как она у меня сложилась – испытала сильное воздействие детских и отроческих лет, когда только еще происходит формирование личности и в физическом, и в нравственном отношении.

Немного истории

Бывает, меня спрашивают:

– Откуда взялась фамилия Громыко?

Над этим мне почти никогда не приходилось задумываться. Фамилия как фамилия. Она дается каждому человеку для того, чтобы его отличали от другого.

Правда, у нас в деревне определяли людей своим порядком, часто встречавшимся в деревнях старой России. Действительно, как можно отличить человека по фамилии, если в Старых Громыках насчитывалось более ста дворов и почти все – Громыко? В соседних Новых Громыках – более двухсот пятидесяти дворов, тоже Громыко. Может, всего лишь в полдесятке дворов жили люди с другими фамилиями. Наконец, в шести километрах от нас расположилось село Потесы: там еще более двухсот дворов, и все – с фамилией Громыко. Попробуй, отличи одну семью от другой. Поэтому в деревнях и селах крестьяне придумывали друг другу прозвища.

Прозвище нашего рода – Бурмаковы. И отца моего, и деда, и прадеда вся деревня знала как Бурмаковых. И я тоже в Старых Громыках всегда откликался, когда меня называли Андрей Бурмаков.

Уже после войны мой брат Дмитрий, который одно время работал в Гомельском обрисполкоме, заинтересовался происхождением этой фамилии. Так, просто для себя лично, решил провести поиск. Копался в архивах, изучал старые рукописи и книги и выяснил некоторые подробности.

Ему удалось установить, что еще с незапамятных времен в наших краях проживали славяне-радимичи; одного из воевод называли Громыко. В мирное время тот Громыко из давней легенды, как и его соплеменники, пахал землю, но когда дружина выступала в поход, его ставили во главу, и он вел воинов на дела ратные. А в старину, говорят, бывало, что люди, сражавшиеся под командованием воеводы, брали себе и его имя. Возвратившись из похода в родные места, ратники воеводы Громыко оседали в поселениях, которые потом тоже так и называли – Громыки. Постепенно на обоих берегах реки Беседь и образовались два населенных пункта, которые стояли в километре друг от друга, – Старые Громыки и Новые Громыки. Люди в этих селениях имели одну фамилию.

В то время гетман Богдан Хмельницкий взял курс на воссоединение Украины с Россией. Украину обложили польские ляхи и турецкие янычары, крымский хан и правитель Молдавии – враги внешние. Не дремали и недруги внутренние – противники из числа верхушки казачества в открытую советовали Богдану «поддаться туркам или крымцам», а скрытно ждали удобного случая, чтобы расправиться с ним. Однако прозорливый гетман направлял во все стороны свои посольства с миром и в то же время слал гонцов в Москву за помощью и советом. По Украине ездили его люди, собирали казаков под булаву Хмельницкого в Переяславе, где потом состоялась Рада великая.

Полковник Михайло Громыко во главе небольшого отряда по заданию Богдана отправился в городок Корсунь с мирным поручением: убедить жителей встать под знамена гетмана. Но враги Хмельницкого убили Громыко и перебили его отряд. На календаре значился тогда 1649 год. До великого воссоединения оставалось еще около пяти лет.

Сын Михайлы, Василий Михайлович Громыко, ездил посланцем от гетмана Украины в Москву. А потом в роду Михайлы появилось множество различных военных, по званиям – от рядового казака до майора. Не берусь утверждать, что все они – мои родственники. Такая версия о происхождении нашей фамилии пока единственная и, как мне кажется, правдоподобная.

Но это не все. Как-то в Министерстве иностранных дел зашел ко мне известный советский дипломат Ф.Ф. Молочков и сказал:

– Андрей Андреевич, у меня для вас небольшой сюрприз. Люблю книги. Читал вот «Историю России с древнейших времен» Соловьева и нашел там вашу фамилию.

Он положил на стол том этого труда, и я с большим интересом прочел о том, что произошло в XVII веке с одним из тех, кто тоже был Громько.

Наш род – крестьянский. Из тех хлебопашцев, что трудились на своем клочке земли от зари до зари. И православную фамилию Громько им аккуратно записывали в местную церковную книгу и в официальные документы властей. А так в обиходе в пределах деревни они пользовались своими прозвищами.

Фамилия Громько и сейчас сравнительно распространенная. Но все Громьки, хоть и проживают в разных концах Родины, в той или иной степени связаны с древними радимичами, с теми поселениями, лесами, лугами, полями, которые раскинулись между верховьями Днепра и Десны, в бассейне Сожа, у речки Беседь.

В семье крестьянина-бедняка

Родился я в 1909 году в деревне Старые Громыки, что недалеко от Гомеля, в семье полукрестьянина-полурабочего. Такая категория населения в дореволюционной России существовала. К ней относились люди, не имевшие достаточно земли, чтобы прокормить себя и семью. Они работали в промышленности, в городе, но не постоянно, а временно. Короче говоря, хозяйство наше было бедняцкое. Земля плохая. Поэтому еще подростком, с тринадцати лет, я ходил вместе с отцом на заработки на стороне – преимущественно на заготовку и сплав леса, его доставку к промышленным предприятиям в Гомеле.

Моя родина – Гомельщина. Славянское племенное объединение радимичей, которое исстари жило здесь, получило у судьбы весьма скромный дар в виде, как сейчас принято говорить, окружающей среды.

Народ здесь живет добрый и отзывчивый, но только не для тех, кто приходил в эти края с мечом. И когда на СССР напала фашистская Германия, все люди нашего края – от мала до велика – сражались с захватчиками доблестно, как и весь народ страны. Горю этой земле и людям гитлеровцы принесли много. Памятниками и могилами советских людей, павших в борьбе с фашистскими агрессорами, усеяна земля республики.

Пожалуй, я проявил бы излишнюю скромность, если бы не признался, что край, в котором я родился и провел детство, заставил меня с отроческих лет полюбить старину, памятники истории и культуры народа. Рассказы взрослых доносили до нас, ребятни, правдивые и таинственные истории прошлого.

Сросся я со своим районным центром – городком Ветка, в котором мне приходилось бывать, пожалуй, с первых лет сознательной жизни. Его население состояло в большинстве своем из так называемых старообрядцев, да и в окрестных селах их было немало. Народ добрый, приветливый. Едешь, бывало, – всего десяток с небольшим километров от нашей деревни до Ветки, – остановишься у какого-нибудь колодца, чтобы коня попоить, глядишь: а из дома уже выбегает хозяйка, дает тебе ведро и участливо спрашивает:

– А может, еще чего надо?

Любили мы этих людей. Когда я немного подрос, узнал: все они – потомки тех, кто бежал еще в XVII веке от преследований патриарха Никона и самодержцев. Старообрядцы и основали в 1684 году поселение Ветка. Их бунтарский дух буйствовал и в потомках.

В 1735 году императрица Анна Иоановна, самодурство которой не знало границ, сослала в глубь России сорок тысяч непокорных ветковчан и жителей прилегающих поселений. А сам городок предала огню. Но старообрядцы оказались людьми живучими, и вновь будто из-под земли воскресла Ветка.

Однако в 1764 году на головы ветковчан снова упал меч царских карателей. Двадцать тысяч человек отправила царица – в этот раз уже Екатерина II – на вечное поселение в Сибирь. Шли они под конвоем до Шилки и Селенги долгих пять лет. И ныне в тех местах Сибири живут их потомки. Теперь их свыше ста тысяч.

Никто толком не знает, откуда пришло название Ветка. Одни утверждают, что это оттого, что речушка здесь – ветвь реки Сож, вторые – что на самом Соже есть остров Ветка и от него пошло имя, а третьи считают, к ним относятся и я, что Ветка – это малая ветвь Москвы. Иными словами, старообрядцы-ветковчане – все же москвичи.

Поскольку собрались здесь люди непокорного духа, наверное, потому и нашел себе укрытие в этом городке руководитель крестьянской войны Емельян Пугачев. Было это еще перед началом той войны, во время которой он во главе поднявших косы и топоры народных масс пошел на схватку с самодержавием. Именно здесь, в Ветке, ему дали «пашпорт», чтобы он мог успешно миновать заставы, снабдили всем, чтобы благополучно проходил опасные места. И

отправился Емельян в глубинные районы страны поднимать на бой с угнетателями недовольных крестьян. Здесь, в Ветке, нарекли его Петром III. Царица Екатерина II восстание подавила, а Емельяна Пугачева казнила. Долго горевала в те годы по «доброму крестьянскому царю» и сердобольная Ветка.

Славилась Ветка своими мастерами – строителями, краснодеревщиками, резчиками по дереву, золотильщиками, иконописцами, чеканщиками. В старые времена их приглашали строить соборы и украшать богатые дома в Киеве, Петербурге, Москве. Они, в частности, вместе с другими умельцами обряжали Оружейную палату в Кремле, Новодевичий и Иверский монастыри.

Ветка знаменита уникальными деревянными рукописями и книгами. Здесь оттачивали свое искусство люди редкой профессии – книгары – так называли в наших краях создателей книг. Некоторое время назад в Париже с аукциона была продана за огромную сумму самая дорогая книга. Она называлась «Апостол», ее издал русский первопечатник Иван Федоров в 1574 году. Как не гордиться жителям Ветки тем, что вторая такая же книга находится у них в местном музее!

Кстати, утром 6 августа 1986 года, просматривая, как обычно, газеты, я обратил внимание на заметку в газете «Советская Россия». Называлась она «Бесценная находка». Корреспондент газеты по Свердловской области сообщал, что Уральская объединенная археографическая экспедиция нашла и доставила в областной центр сразу два экземпляра «Апостола», напечатанного Иваном Федоровым во Львове в том же 1574 году. Как не порадоваться такому успеху советских ученых!

Честно признаюсь, что я всю жизнь неравнодушен к старинным книгам, картинам, любым предметам, связанным с историей. Люблю читать, в детстве что недопонимал – домысливал. Наверное, вся обстановка родного края влияла на меня духовно и в последующем.

А рядом с Веткой – мои Старые Громыки. Еще в детстве я слышал, что неподалеку от наших мест в давние времена было сражение, где «русские победили шведов». Пожилые люди вспоминали, как их деды и прадеды рассказывали, что крестьяне не щадили в ту пору «бегучих шведов», которые пришли к нам как грабители и захватчики.

Когда я уже стал студентом, как-то довелось мне на несколько дней приехать в наши края и побывать в райцентре Корма.

Ехал я к нему через Славгородский район Могилевской области. Там, на шоссе, когда следуешь от Могилева до Славгорода, есть деревушка Лесная. Обычная, ничем особым не выделяющаяся. Но ее название почти триста лет назад прогремело по всей Европе и осталось прославленным в истории страны. Там, при этой деревне, в сентябре 1708 года состоялась жаркая битва. Русские войска под командованием любимца Петра I Меншикова наголову разбили шведскую резервную армию, которая шла на помощь Карлу XII. Был захвачен обоз из тысяч телег, боевые и продовольственные припасы, предназначенные войску короля. Петр Великий назвал победу под Лесной «матерью Полтавской баталии». А историк В.О. Ключевский в XX веке, анализируя события российской истории начала XVIII века, воскликнул: «Стыдно было проиграть Полтаву после Лесной».

Много лет спустя в руки мне попал толстый фолиант «Северная война». Его автор – замечательный советский историк академик Евгений Викторович Тарле, с которым мне не раз приходилось встречаться. В книге были слова, которые подтверждали то, о чем в нашем селе, когда я был совсем мальчонкой, говорили деды: те шведские солдаты и офицеры, «которые были отрезаны от своих и не попали в плен к русским, блуждали некоторое время по лесам и постепенно истреблялись белорусскими крестьянами». После вторжения шведов на земли России война против них стала приобретать народный характер, свой вклад в это внесли и жители наших мест.

Жители города моего детства – Гомеля всегда считали, что его основание связано с XII веком, поскольку именно в то время он упоминается в старинных летописях. Однако совсем недавно археологи поставили под сомнение такой возраст города. Оказалось, что он намного старше, чем считали специалисты.

В 1988 году в областном краеведческом музее выставлялись доказательства того, что город основан гораздо раньше, чем упомянутый в летописи в 1142 году Гомий. Многочисленные находки, среди которых орудия труда, предметы быта, оружие, украшения, – немые свидетели того, что поселение в виде городского посада возникло здесь еще в IX–X веках, а в XI–XIII столетиях Гомий превратился в военно-административный и торгово-ремесленный центр.

В XIV веке он был отторгнут от Руси и входил в состав Великого княжества Литовского, а с XVI века – Польши, с которой Литва объединилась в Речь Посполитую. С 1772 года этот город по праву истории вновь вошел в состав России как исконно русская земля.

Гомель запомнился мне как большой железнодорожный узел. В нем имелись и промышленные предприятия. Наиболее заметным из них была спичечная фабрика «Везувий», работать на которой мечтал когда-то и я.

Сильно разрушенный фашистами город в настоящее время не только полностью восстановлен, но и стал крупным промышленным и культурным центром Белорусской ССР (до 1924 года он и Гомельский округ в целом были в составе РСФСР). В 1970 году за успехи, достигнутые трудящимися города в выполнении заданий пятилетнего плана по развитию промышленного производства, Гомель награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Родители и родственники

Когда начинаешь переносить на бумагу воспоминания, то неизбежно возникает вопрос: с какого же времени у тебя стали формироваться взгляды на жизнь, на мир? Пусть даже детские взгляды, еще не сложившиеся окончательно, которые скорее походят на беспорядочно нагромождающиеся одна на другую картинки наблюдаемой обстановки и происходящих событий. В конце концов ведь не существует точной черты, отделяющей детство от отрочества, от более зрелого возраста.

В жизни человека происходит постепенное накапливание впечатлений, фактов и опыта, которые со временем перерастают в убеждения, систему взглядов. У меня вовсе нет намерения углубляться в эту тему так, как это делают, скажем, литераторы, изображающие не только окружающую обстановку, но и становление внутреннего мира героя своего произведения. Но пожалуй, у каждого человека, который задумал окинуть мысленным взором свое прошлое, все же возникает этот вопрос.

Помню я себя примерно с четырехлетнего возраста. Не считая глубокой семейной привязанности, которая является в общем-то врожденной чертой человека, первое сильное чувство, пробудившееся во мне, – чувство любви к родным местам, к дому, в котором родился.

Наш домик стоял на окраине деревни. Мне казалось, что ему не менее сотни лет, таким он выглядел старым. В нем было две комнаты, в каждой из них – по одной кровати и по две-три лавки. В этих комнатах размещались две семьи, одна из которых – с детьми. Под стать дому было и наше домашнее хозяйство: на обе семьи – корова и лошадь.

Рядом с деревней Старые Громыки – небольшое озеро, соединяющееся с рекой Беседь. С детством связаны воспоминания о бесконечных купаниях в реке и озере, веселых криках ребятни. Для нее такие купания, да еще порою тайком от взрослых, были верхом счастья.

Вспоминая те годы, не могу не сказать самых добрых слов о своих родителях – отце и матери. Я признателен им от всей души и храню о них благодарную память.

Мой отец, Андрей Матвеевич, был человеком грамотным в житейском смысле слова. Умел хорошо читать и писать. Но окончил он только церковно-приходскую школу с ее четырьмя классами.

Помню, как я завидовал красивому почерку отца. С этим у меня с самого начала дело обстояло неважно. Кажется, стараешься выводить буквы правильно, так, как учили, а получаются они на бумаге какие-то изломанные. Правда, буквы вели себя более покорно, когда я писал их в тетрадах, специально разлинованных. Однако, как только начинал писать на чистом листе бумаги, они принимались плясать, выделять какие-то пируэты.

Восхищался я своим отцом и в таком отношении. Возьмет он карандаш и лист бумаги, и вдруг на этом листе начинают появляться фигурки людей, различных животных – лошадей, коров, овец. Я и мои друзья-мальчишки разглядывали их словно зачарованные, хотя эти рисунки делались простым карандашом. Лишь немногие, и то понаслышке, знали у нас тогда о масляных красках. Да отец и не мечтал о том, чтобы как-то приобщиться к художественному творчеству.

Любил мой отец поведать членам семьи и родственникам о сражениях, происходивших на полях Маньчжурии в Русско-японскую войну 1904–1905 годов и позже на юго-западном участке русско-германского фронта в период Первой мировой войны. Говорил он об этом со знанием дела, так как был участником и той и другой войны. Свои рассуждения он сопровождал «солеными» словами по адресу российских генералов. Называл их фамилии. Помню, как он рассказывал:

– Я всегда любил солдат и тех боевых офицеров, которые делили с нами военные тяготы. А вот в отношении высшего командования русской армии мы, солдаты, выражали недоволь-

ство. Мы шли в бой, но всегда не хватало оружия, особенно артиллерии. Постоянно ощущался недостаток боеприпасов. Огневая мощь противника была во много раз сильнее, и потому русская армия несла неизменно тяжелые потери.

Я удивлялся: «Как отец все это помнит?»

Обращал я всегда внимание на то, что солдаты, по словам отца, вину за поражение в Русско-японской войне возлагали на командование армией, а не на царя.

– Почему? – спрашивал я.

Отец, подумав, отвечал:

– Они побаивались обвинить царя напрямую. Да и поговаривали: «До Сибири от Маньчжурии совсем близко – здесь фронт, а там ссылка».

Правда, в этих рассказах все же доставалось негодным правителям.

– В начале войны, – говорил отец, – среди офицеров ходило выражение: «Мы японцев шапками закидаем – нас, русских, больше». А солдаты как бы в ответ заявляли: «Верно. Мы можем закидать японцев шапками, но зачем для этого идти так далеко?»

Молодежь слушала эти рассказы затаив дыхание.

Я почти не видел, чтобы мой отец не был занят какой-то работой. Даже рассказывая, он не переставал что-то мастерить, строгать, починять, приводить в порядок скромные орудия крестьянского труда – соху, борону и прочее. Если с этим было уже все в полном порядке и если отец не уходил на отхожий промысел, который продолжался, как правило, несколько месяцев, то он и тогда находил себе работу – заготавливал на зиму дрова, собирая в лесу валежник, выкорчевывая старые пни и доставляя все это к хате на лошаденке.

И все же мой отец был немногословным человеком. Он обладал способностью часами заниматься делом в поле, на дворе, на сенокосе, в лесу – на заготовке дров, не говоря ни слова, хотя, как правило, его окружали люди, с которыми, может, и хотелось пообщаться. Просто не любил этого, считал, что разговор мешает трудиться. Мне всегда казалось, что без работы, хотя бы в легком ее виде, он не сумеет жить.

Но бывали случаи, когда он мог позволить себе поговорить: либо со своими в кругу семьи за столом, либо поздно вечером в летнюю пору, когда несколько мужчин собирались возле какого-нибудь дома на завалинке. Там обычно разговор случался мужской. Женщинам не стоило прислушиваться к таким беседам – зачастую они пересыпались и крепкими словечками.

Однажды отец и другие в таком мужском разговоре заспорили о том, какая страна в мире самая богатая. Мнения разделились.

Один говорил, что, пожалуй, Германия богаче других государств, так как германцы – грабители, они ограбили и Россию. Другой заявлял, что богаче всех Америка. Никто из них не называл богатой Россию. Один из участников спора высказал такую мысль:

– У американцев был умный президент, звали его Теодор Рузвельт, он, говорят, хорошо правил страной.

Мой отец высказался следующим образом:

– Америка, пожалуй, богаче других, потому что американцы и чужое богатство прибирают к своим рукам. Теодор Рузвельт был хитрый президент.

Сосед это поддержал:

– Да, Теодор Рузвельт – хитрый и умный президент.

Они говорили, что об этом и в газетах пишут. С детства отложились у меня слова об «умном и хитром» американском президенте.

Эта «конференция на завалинке» после дискуссии, в которую вслушивались мы, гурьба мальчишек, закончилась тем, что все договорились и согласились с одним – пора расходиться по домам и готовиться к завтрашнему рабочему дню.

Подобные «конференции» были нередким явлением в деревне, и мужчины находили в них выход своим мыслям. Эти «конференции» по международным вопросам были первыми в

моей жизни. В них я непосредственно не участвовал, но зато внимательно слушал все, о чем там говорилось.

Было это в годы Первой мировой войны, когда отец приезжал с фронта в короткий отпуск домой. В США президентом тогда уже стал Вудро Вильсон, а у меня в памяти остался Теодор Рузвельт как «умный и хитрый президент».

Случилось так, что однажды в 1933 году – в то время я учился в Минске – поехал отец в лес, чтобы привезти хворост, и не вернулся. Нашли его через много часов еле живым, без сознания. Вскоре он скончался, так как медицинской помощи вблизи не оказалось. Было отцу тогда около пятидесяти семи лет.

Моя мать, Ольга Евгеньевна, родилась в семье крестьянина-бедняка из соседнего села Железники. Это была женщина с золотым сердцем. О людях она говорила только доброе. Мать как бы ни в ком не замечала и, что важнее, не хотела замечать ничего плохого.

Школу мать посещала лишь два-три года. Закончить учение ей не удалось, так как после смерти отца ее – совсем еще девочку – всецело поглотили заботы по дому, тяжелая работа в поле. Тем не менее читать и писать она все-таки научилась. И читала немало.

Все, что сказано относительно прилежания, любви отца к труду, могу повторить и в отношении матери. Она была труженицей. Без устали, отдавая много сил и здоровья, работала в нашем хозяйстве, а затем и в колхозе, который объединил крестьян деревни Старые Громыки.

О своей матери я через всю жизнь пронес самые теплые воспоминания. С детских лет поражаюсь, как может человек все время, не присев, работать. Ведь в ее заботы входило на небольшом клочке земли как-то вырастить понемножку картофеля, капусты, огурцов; позаботиться, чтобы посеять и вырастить лен, которому в хозяйстве отводилось важное место. Иначе не будет рубах, постельных принадлежностей, да и вообще худо будет с одеждой. Надо готовить корм для коровы. Что же касается ухода за зерновыми культурами, преимущественно за рожью, то женскому труду в этом деле отводилась на всех стадиях не меньшая роль, чем постоянным заботам накормить семью, тщательно экономя продукты.

Вся эта хозяйственная работа приходилась на долю женщин. А их в нашем доме оказалось только две. Кроме матери трудилась и сестра, но она, будучи моложе меня, стала помощницей взрослым уже тогда, когда я начал терять связь с семьей, уехал учиться. Любовь к книгам перенял от матери. В деревне ее звали «профессором». Странно как-то это звучало, но ее так часто называли и взрослые, и дети: «тетя Оля – профессор».

И сейчас помню душевные, проникнутые заботой обо мне слова матери:

– Ты любишь книги, и учителя тебя хвалят. Наверное, тебе надо учиться... Может быть, выйдешь в люди.

Жизнь показала – мать дала добрый совет. Ее поддержал отец, что и решило мою судьбу.

Скончалась моя мать в 1948 году в Москве. Всю жизнь она прожила в деревне. Приехала в столицу за несколько месяцев до кончины, хотела подлечиться, да так и не смогла. А за две недели до ее смерти я прибыл из США. Успел с ней еще увидеться в больнице и поговорить. Трудный это был разговор.

Пример отца и матери, да и сама жизнь создали условия, когда все мы, я и мои сверстники, рано включились в трудовую деятельность. В возрасте семи-восьми лет я приобщился к физической работе. Трудился преимущественно в поле вместе с отцом и матерью.

Родители мои вступили в брак вскоре после окончания Русско-японской войны. Отцу тогда было около двадцати семи лет, а матери – лет девятнадцать. Их первенцем была дочь Татьяна, которая родилась на полтора года раньше меня. Умерла она примерно в двухлетнем возрасте, и я ее не помню.

В течение нескольких лет наша семья жила вместе с дедом по отцу – Матвеем Григорьевичем, который был современником отмены крепостного права в 1861 году. Он знал грамоту.

Много раз перед обедом слышал я его отчетливое, несколько протяжное чтение Евангелия. Скончался дед в 1927 году, в возрасте семидесяти пяти лет.

Достойной спутницей жизни стала для деда Матвея его жена Марфа, моя бабушка. Она, кажется, была рождена, чтобы сеять добро среди людей.

Когда я был малышом, можно сказать, еще пешком под стол ходил, услышал я как-то от бабушки необычное слово. Не помню, в чем я провинился, но она мне погрозила пальцем и сказала:

– Ах ты демократ! Зачем шалишь?

Дело происходило до революции, при царе, и она, знавшая понаслышке, что «демократов» сажают в тюрьмы, ссылают на каторгу, решила и меня припугнуть этим «страшным» словом. Потом, позже часто я слышал, если чуть что было не по-бабушкиному:

– Ах ты «демократ»!

Но я знал, что добрая бабушка не умеет сердиться. Поэтому для меня с детства слово «демократ» всегда звучало как ласковое и обязательно связанное с родным человеком.

Наша семья, семьи двух братьев отца и двух его сестер, Софьи и Марии, жили дружно. Но так продолжалось до тех пор, пока не настало время делить последние участки принадлежавшей деду пахотной земли. Когда дело дошло до этого, когда хозяйство, в котором хлеба не всегда хватало до нового урожая, стало распадаться на еще более мелкие хозяйства, то возникли трения, особенно между моим отцом и его младшим братом Иваном. Семья брата Николая, отделившаяся раньше, в последней дележке участия не принимала.

Мне очень не нравилось, когда происходили эти трения. Я никак не мог понять, зачем своим людям ссориться, говорить друг другу плохие слова.

И все же, несмотря на известные сложности, которые случались почти во всех семьях нашего небогатого края, где люди испытывали постоянную нужду и добывали средства к жизни тяжелым трудом, родственные привязанности в нашей большой семье были прочные.

Мы с душевной теплотой относились к своей деревне, к родным и знакомым, некоторые из них жили в соседних селах. Ходить к ним в гости или принимать их у себя было радостным событием. Хорошо помню: алкоголь не почитался. В семье у нас никто не пил. Но в деревне два-три раза в году бывали на селе пьяные. Как правило, несколько молодых парней. Да и то не разбирали никто, в самом деле пьяные они или просто куражатся, чтобы привлечь внимание девчат.

Все, что окружало Старые Громыки, я обожаю: поля и леса, луга и речки. Мне казалось, что здесь – самые лучшие места, хотя у людей, за малым исключением, иногда даже своего картофеля не хватало к концу зимы.

Мое восхищение вызывала небольшая река Беседа, по которой маленькие паровозики ходили только весной. Летом она была слишком мелкой. Берега реки притягивали как магнит. Часами мальчишки просиживали с удочкой, глядя, не клюет ли? Но, увы, рыба клевала плохо. Если удавалось поймать пять-шесть рыбешек, то это считалось везением. Удачливый рыбак тогда возвращался с гордо поднятой головой и считал себя почти взрослым.

Когда мальчишки и девчонки могли уже работать, они в поле помогали старшим, особенно в выполнении женской работы: на уборке льна, конопли, картошки, на жатве и уборке зерновых. Все это – нелегкий труд для подростков. Тягловой силы и вообще скота было мало, не хватало кормов.

Километрах в трех от деревни находился довольно большой лес Графщина, который простирался сравнительно далеко, а нам он вообще казался нескончаемым. Считалось, что в лесу всего хватает: и зверя, и бандитов, и, возможно, колдунов. А когда фантазия у мальчишек разгуливалась, то она населяла его и лешими.

– Да и где же водиться лешим, как не в лесу? – рассуждали мы.

Но летом, когда наступал сезон грибов, люди, не боясь, ходили в лес. По части хвастовства грибники не уступали рыболовам и охотникам. Последних, правда, в наших местах встречалось очень мало, так как с ружьями дело обстояло туго.

В зимнее время побаивались волков. Отчасти поэтому за дровами выезжали не в одиночку. Когда мы с отцом отправлялись в лес, то нередко мне отчетливо представлялось, как я буду топором рубить волков направо и налево, спасая отца и лошадь. Но волки, как нарочно, не появлялись. Про себя я был этим доволен, но перед отцом старался выглядеть храбрецом и забиякой.

Детвора с раннего возраста жила дружно: старшие присматривали за младшими, опекали их. И в последующем этот дух коллективизма, как сейчас принято говорить, или взаимопомощи неизменно себя проявлял. Такое отношение – следствие обычаев, зародившихся много веков назад среди крестьян. Так, если случался пожар и крестьянин с семьей оставался без крова, то вся деревня приходила ему на помощь, доставляла лес и другие материалы для строительства новой хаты и сарая. Пример неплохой и для детей, и для подростков, и для взрослых.

И грянула Первая мировая...

Как гром среди ясного неба разнеслась весть о том, что Германия объявила войну России. Вспыхнула Первая мировая... Я наблюдал и воспринимал события, конечно, по-детски. А взрослые реагировали остро.

Отец говорил:

– На Россию пошел германец. Он силен и опасен. Он всегда приносил людям только горе.

Вот тогда впервые, еще неосознанно, я ощутил то, что является чувством любви к своим полям и лесам, к своим очагам, к своей стране. Доносившееся из глубины веков эхо битвы на Чудском озере, в которой Александр Невский сокрушил вторгшихся тевтонских рыцарей, давало себя знать. В нашей деревне мне тогда попала в руки иллюстрированная книжка о подвигах этого князя в сражениях с врагами земли Русской. Жива была в душе народа ненависть к захватчикам, жива была и вера в свои силы. Не потому ли легенды о богатырях – защитниках страны – никогда не забывались? Началась мобилизация. Взяли в армию и моего отца. Для него это была уже вторая война.

Уходивших на фронт провожали родные, друзья, соседи. Провожали со слезами и, конечно, под гармонь, которая, разумеется, навевала не веселье, а грустную думу: «Вернутся или не вернутся с полей сражений родные?» Сами рекруты держались достойно, даже храбрились. А если навернется слеза, то старались смахнуть ее незаметно. На проводах взрослые даже выпивали. У нас в деревне смотрели на спиртное скорее как на дань традиции, некое неизбежное сопутствующее большим событиям явление. Считалось, что вроде так и положено, иначе и быть не может. По существу же это было средство приглушить грусть по близким, которые, возможно, уходят навсегда.

Три года отслужил мой отец в одной из армий Юго-Западного фронта, которым командовал генерал А.А. Брусилов. После двухлетнего пребывания на фронте отца отпустили примерно на неделю на побывку к семье. Затем он снова вернулся в окопы, под огонь немецких пушек в районе Перемышля.

Поверья давних лет

Горожанину, может быть, нелегко понять, какой мир поверий и легенд окружал людей на селе, в особенности детвору моего возраста. Эти поверья и легенды, представлявшие собой как бы сплав суеверия и своего рода романтики, передавались из поколения в поколение, а их корни, видимо, уходили в глубокую древность. Обычно эти по-своему увлекательные истории затрагивали такие чувствительные струны человеческой души, как верность слову, человеколюбие, честность и благородство в поступках.

К примеру, ребята постарше часто говорили о том, что есть способы, позволяющие каждому человеку узнать свою судьбу. Как это сделать? Да очень просто. Надо пойти ночью в какой-либо одиноко стоящий сруб, обязательно за пределами деревни. Подходящим местом для этой цели могли быть и бани, которые обычно отделены от изб и дворов огородами. Ночь должна быть темной и еще лучше – ненастной.

С собой следовало захватить лучину и зеркало или хотя бы небольшой его осколок. Зеркало, в которое надлежало смотреть, нужно поставить таким образом, чтобы в нем отражалась входная дверь, причем обязательно открытая.

Ровно в полночь при этом у двери должно появиться видение девушки, если желающий узнать свою судьбу – парень, либо парня, если в зеркало смотрит девушка. Одним словом, там можно узнать суженую или суженого.

Требовались большая смелость и выдержка, чтобы испытать таким путем свою судьбу. На это решались только смельчаки.

Ребятишки семи – девятилетнего возраста не утруждали себя вопросом о том, удавалось ли кому-нибудь и когда-либо увидеть желаемое. И вот мой двоюродный брат Артемка, который был годом старше меня, и я вступили в сговор, чтобы в конце концов проверить, все ли тут так, как говорят. Дали друг другу что-то вроде клятвы: кому бы из нас ни пришлось сидеть в бане, он будет держаться достойно и с позором не сбежит. А баня, хотя и примитивная, у нашего деда имелась.

Для осуществления нашего «стратегического плана» следовало предварительно решить некоторые, так сказать, «штабные» вопросы. Во-первых, установить, кто из нас пойдет в баню и предстанет перед зеркалом, а кто будет ожидать результатов, спрятавшись неподалеку в кустах. Испытанным методом была жеребьевка.

На этом и согласились. Жребий быть храбрецом пал на меня. Наверное, в тот момент я выглядел так, будто и обо мне сказал друг Пушкина – декабрист Иван Пущин: «Половина России, покоряясь жребию, идет на смерть». Артемка тоже несколько взгрустнул, но ему осталось лишь смириться со своей участью.

Во-вторых, надо было приготовиться на тот случай, если в бане вдруг произойдет что-то непредвиденное и вместо суженой появится нечистая сила. Условились, что Артемка, как только почувствует неладное, должен бежать ко мне на помощь. Ну хорошо, а как же быть со средствами защиты? Ведь никакого оружия у нас не было, да не имелось его и дома. Приняли решение еще под вечер незаметно для взрослых утащить из хаты какой-то железный прут неопределенного назначения. Эта «операция» удалась полностью.

Итак, Артемка забрался в кусты с этим «холодным оружием», а я устроился в бане перед зеркалом. Горела лучина. Часов у нас, конечно, не водилось, и точного времени знать мы не могли. Поэтому договорились посидеть подольше, чтобы наверняка не уйти из бани раньше полуночи.

Сидел я очень долго. Тишина стояла абсолютная, ни звука не раздавалось. Казалось, что даже собаки в деревне спят в это время непробудным сном. Ощущение было такое, что все черти через какие-то щели смотрят на меня. Единственное, что удерживало меня в бане, так

это слово, данное двоюродному брату. Я понимал, что если оставлю свою опасную вахту, то о моем позорном поступке станет известно всем, а значит, такого допустить никак нельзя.

Спустя какое-то время Артемка, видимо, решил, что сроки появления видения уже прошли и надо проведать друга и брата. А у меня и лучина погасла. Слышу, раздался его слабый, зовущий голос:

– Андрей, ты жив?

Я сразу же аккуратно снял зеркало и вышел из крошечной тьмы. Мы были разочарованы. Но вместе с тем где-то в глубине души притаилось и другое чувство – как хорошо, что не случилось в бане беды и я ушел от всех чертей невредимым, без единой царапины. Но этого чувства я не показывал брату, держал все переживания в себе. Разошлись мы по домам уже на рассвете.

В наших семьях знали, что мы иногда остаемся ночевать друг у друга. Так было и на этот раз: моя семья считала, что я ночую в семье Артемки, а в его семье думали, что он ночует у нас. Поэтому некоторое время нам удавалось хранить свой секрет, тем более что и похвастаться-то особенно было нечем. Потом родители об этом узнали, но за давностью нашей проделки никакого наказания мы не понесли. Все же иногда взрослые по этому поводу беззлобно над нами подтрунивали.

Многие попросту верили во всякие сверхъестественные явления, хотя практического значения в жизни это не имело никакого. Люди тяжким трудом добывали средства к существованию, к тому же на землях малоурожайных, и неудивительно, что им иногда хотелось рассказать друг другу различные загадочные, а то и веселые истории. Так сказать, для разрядки.

В общем-то в жизни сельского населения тогда не обходилось и без легенд с элементами мистики. И неизвестно, чего было больше в этих легендах – увлечения сверхъестественным или просто красивого вымысла, в котором юноши и девушки пытались найти выход необузданному воображению.

Бытовал у нас и такой обычай. В определенный день года, кажется, под Рождество, в некоторых дворах собирались группами девушки. Они перебрасывали свои обувки через перекладину ворот, а затем смотрели, в каком направлении повернут носок упавшего башмачка, в той стороне, согласно поверью, и ищи своего суженого. Основоположник русской классической лирики, замечательный поэт Василий Андреевич Жуковский как будто подсмотрел эту трогательную сценку в деревне Старые Громыки, прежде чем создать романтические образы гадающих девушек, запечатленных в первых строках его прекрасной баллады «Светлана»:

Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали:
За ворота башмачок,
Сняв с ноги, бросали...

Наверное, каждый мальчишка в деревне пережил изрядное количество эпизодов странных, а иногда и опасных для себя. Я не был исключением. Меня лично всегда интересовала и интриговала охота. На зверя, на птицу, на все, что является ее объектом у взрослых.

Мне было восемь лет. Лявону Бурмакову – соседу и доброму другу – десять. Имя Лявон для тех, кто не проживал в наших краях, звучит необычно. А у меня на родине оно очень распространено. Вспомните знаменитый танец с песней «Лявониха». Начинается она:

А Лявоніху Лявон палюбіу,
Лявонісе чаравічкі купіу.

К тому же мы с ним состояли в родстве: его отец и мой дед – родные братья.

В тот день, о котором пойдет речь, бродили мы по заболоченному лесу.

– Давай поохотимся на диких уток, – сказал я Лявону.

– А как? – засомневался он. – Ружья-то у нас нет. И нет его ни у кого из наших родных...

Да, ружье в нашей деревне встречалось редко. Охотники, правда, как-то умели пользоваться охотничьими ружьями по очереди. Но наши попытки завладеть ими и уйти за несколько километров в лес и на славу поохотиться оставались всего лишь мечтой. Конечно, хотелось подстрелить разбойника-волка, которым детей с малых лет пугают взрослые. Однако предметы для охоты от нас прятали далеко.

Думали мы, думали и придумали.

– А что, если побродить по болоту и поискать утиные гнезда? – спросил я.

– Давай, – решительно поддержал меня Лявон.

Мы знали, что утка вьет свое гнездо не на дереве, а где-нибудь в зарослях на болоте, у берега речки или озерца. Это – ее излюбленные места для гнездования.

– Пойдем туда, где погуще осока и камыши, обязательно найдем одно или два гнезда, – рассуждал Лявон. – Яйца сейчас по времени как раз еще не насиженные. Если мы их найдем, то возьмем и поджарим, сделаем яичницу.

Ходили мы в высокой болотной траве долго. Нам повезло.

– Гляди, – обрадованно закричал я, – вот оно здесь.

Лявон мигом оказался около меня. В гнезде лежало шесть больших утиных яиц и, как нам казалось, невероятно красивых. Мы их взяли.

Пошли дальше, но, как назло, больше ни одного гнезда нам не попало.

– Может, хватит ходить? – предложил Лявон. – Лучше сготовим яичницу из тех, что у нас есть.

– Ладно, – согласился я.

– Ну и пир будет! – обрадовался он. – На каждого приходится по три яйца!

Получалось совсем неплохо. Тем более что аппетит у обоих разыгрался волчий.

– А на чем будем жарить?

– Как на чем? – ответил Лявон. – На сковороде. Я побегу, возьму ее дома. А ты сбегай за маслом или за салом...

Так и сделали.

Костер разожгли небольшой, но сковороду подогрели основательно.

Разбить яйца в кипящее масло проще простого. А масла положили столько, сколько по нашему представлению надо было, чтобы яичница не подгорела.

И в тот момент, когда я одной рукой подправлял солому, из небольшого кулька, который находился в другой руке, выпали почти все комочки сосновой смолы, – я их собирал для себя, просто так. А упали они прямо в кипящее масло.

Моментально смола стала таять и растаяла быстро. Костер мы потушили и на миг замерли перед произведением нашего кулинарного искусства. От него несло терпким запахом соснового бора.

– Ну и что же, – тихо сказал Лявон. – Все равно, давай попробуем.

Мы стали есть. И когда практически все было съедено, я вдруг спросил:

– А что, если смола, которую мы съели, начнет там внутри твердеть?

Через некоторое время мы оба почувствовали себя плохо: нас сильно тошнило.

– Выживем или помрем? – спросил Лявон.

– Выживем, если не помрем, – ответил я.

«Помирать» пошли домой. Лег я на кровать и пролежал долго. Ночью меня вырвало. На следующий день встретил друга. С ним приключилось то же самое.

– Знаешь что, – сказал он, – давай никому не говорить, как мы жарили эту яичницу.

– Давай, – откликнулся я.

Тошнота и побаливание у нас обоих появлялись еще в течение нескольких дней. А затем все пришло в норму.

Интересно то, что впоследствии ни Лявон, ни я не могли переносить запах смолы. Уже при виде этого дерева, особенно если оно с царапинами и с появившимися каплями смолы, нам становилось дурно. Мы поклялись, что больше никогда не только не будем ходить на добычу утиных яиц, но и вообще из таких яиц никогда не будем есть яичницу, даже приготовленную по всем правилам.

И много лет спустя, когда кто-нибудь заговаривал о смоле или я ее видел, то с улыбкой вспоминал детство и нашу яичницу, от которой шел аромат соснового бора.

Когда научился читать, то часто с книгой в руках в коротких перерывах между полевыми работами уходил в поле или в лесок, ложился на траву и мечтал. Обычно это было тогда, когда в школе не было занятий. Мечтал, задавал себе вопросы: «Что такое звезды? Почему они светятся ночью? Почему считается, что бог живет на небе? Кто его видел?» И сам себе отвечал: «Ведь его не видел никто из людей, которых я знаю».

Задавал я этот щекотливый вопрос и бабушке Марфе:

– Кто видел бога?

Она отвечала:

– Человек бога не может увидеть.

Тогда я задавал ей другой вопрос:

– А как же тогда можно о боге говорить, коли его никто не видел?

На это она заявляла просто:

– Будешь все знать – скоро состаришься.

И этим самым давала понять, что разговор о боге закончен.

Другие взрослые, свои и чужие, говорили примерно то же, однако чем моложе они были, тем добродушнее встречали детские вопросы. А некоторые заявляли, что человеку не дано все знать о боге, об этом тоже распорядился бог.

Один из жителей деревни, Михаил Шелютков, близкий наш сосед, придерживался вольнодумной точки зрения. Он заявлял и нам, малышам, и взрослым довольно мудрено:

– Существование бога под вопросом, и многие ученые не верят в то, что он есть.

Михаил часто засиживался на завалинке какого-либо домика и толковал со взрослыми и подростками о разных «высоких материях» – солнце, луне, звездах – и о заморских странах. Все слушали его с огромным интересом и понимали, что он много читал, хотя особого образования не получил. Но частые поездки в далекие города – иногда он нанимался там на работу и задерживался – давали ему возможность расширять кругозор, узнавать много интересного и в какой-то мере приобщаться к культуре.

– Откуда ты, дядя Михаил, так много знаешь? – робея, спрашивали его ребята.

– Читать умею, – весело отвечал он.

Питал я к нему большое уважение. Пожалуй, не в последнюю очередь под его влиянием я и мой сосед Вася, который был на год старше меня, твердо решили, что мы должны перечитать все библиотеки, которые находились в пределах досягаемости. Всех библиотек мы, конечно, не перечитали, но в некоторых, доступных нам, брали немало книг и поглощали их без разбору. Школьными программами эти книги не были предусмотрены. Таким помню себя в начальной школе, а затем и в семилетке.

Может быть, тем, кто рос в других условиях, трудно поверить, какое огромное влияние на наше развитие оказывали в детстве чтение книг и беседы с людьми, умудренными жизненным опытом. Иногда взрослые и не подозревают, как быстро ребята усваивают то, что узнают от старших. Но главное даже не в этом. Главное в том, что пробуждалось самостоятельное мышление у подростков, не говоря уже о юношах, притом задолго до того, как они начали слушать лекции преподавателей и профессоров.

Примерно лет с девяти я начал знакомиться с атеистической литературой. Брошюры на эту тему стали появляться уже через год-два после революции. Заполучить их было нелегко, так как в нашей деревне они еще широкого распространения не имели и попадали больше в волостные библиотеки.

И все же в простейшем, общедоступном виде понятия атеизма стали знакомы и мне, и моим друзьям. Даже семья, в которой я родился и вырос, в общем-то в прошлом религиозная, в этом вопросе как бы раскололась – по возрастам.

Дед и бабушка остались, безусловно, верующими. Их дети уже, как правило, не молились, ограничивались тем, что иногда крестились перед тем, как сесть за стол. Да и к этой привычке они постепенно охладевали.

Что касается третьего – моего поколения, то оно почти не крестилось, за исключением разве одного случая в году – Пасхи. Нам нравилось в этот день посещать церковную службу, во время которой красиво пел хор. Кто только подыскивал такие хорошие голоса!

Мальчишек привлекало в церковь и то, что там во время причастия давали попробовать чуть-чуть довольно вкусного, сладкого, как бы лекарственного кагора. Правда, как они считали, священник Василий Волтовский был человеком жадным, поскольку подносил лишь чайную ложку, да и то не всегда полную. Мальчишки перешептывались:

– Скупого священника, наверное, черт поддерживает.

У священника, или, как его в народе по-простому называли, попа, в нашей деревне имелась семья: попадья и две поповны – девочки приблизительно нашего возраста. Собрались мы, мальчишки, возле церкви и стали думать-гадать, как же ему «отплатить» за его скардность. Один из нас, мой сосед Иван, предлагал:

– Давайте ему яму выкопаем за церковью, прямо на той дорожке, где он ходит. Пойдет и провалится.

Я ему возражал:

– А что твои родители скажут? А что, если в эту яму провалится не он, а попадья или, может, даже его дочки?

Но видно, я убедить его не смог. Иван говорил непререкаемо:

– Ну и не надо, раз вы не хотите. Я сам все сделаю. Возьму лопату, приду сюда ночью и выкопаю яму.

На том мы и разошлись. Шли и гадали: отважится Иван на такое, покажет свою смелость или нет?

В ту ночь я почти не мог заснуть. Ворочался с боку на бок, лежал с открытыми глазами в темноте, но все думал: вот решительный Иван роет глубокую яму, вырыл, вот он, украдкой оглядываясь, уходит домой, вот сонный поп идет по тропинке и неожиданно проваливается куда-то в самую преисподнюю.

Утром, чуть свет, встал, вышел за ворота, смотрю, а там уже некоторые мои сверстники ждут меня. Тоже всю ночь, говорят, почти не спали.

Гурьбой мы бросились к церкви смотреть «ужасы», полагая, что там, в яме, уже сидит священник и зовет на помощь. Прибежали, но вокруг церкви стояла мертвая тишина. Царили мир и спокойствие. Ничего со вчерашнего дня не изменилось.

Видно, не решился храбрец Иван наказать священника, побоялся взять на душу такой грех...

Ленин и его помощники

...Октябрь 1917 года. Весть о революции разнеслась с быстротой молнии.

– Рабочие взяли власть в свои руки, – говорили крестьяне в нашей деревне. – Нам тоже надо идти по пути с ними, а помещикам теперь капут.

Детвора не понимала многих выражений. Что такое «власть»? Взрослые разъясняли. Как это – «идти по пути с рабочими»? Неужели по одной дороге, взявшись крепко за руки, пойдут дед Матвей и Михаил Шелютов, который для меня олицетворял образ рабочего человека? Зато что такое «капут», мы знали хорошо: шла война, германец стоял и передвигался неподалеку, некоторые немецкие слова использовались в обиходе.

Из Петрограда пришла новость, что революцией руководят «Ленин и его помощники».

Так я впервые услышал имя Ленина. И осталось оно в сердце на всю жизнь как самое светлое воспоминание детства. Ленин и его помощники, которые возглавили революцию, напоминали мне добрых молодцев, былинных богатырей, которые выступали на бой с врагами всегда вовремя и непременно побеждали.

Сразу после революции перемены у нас в деревне ощутились в том, что не слышно стало колокольчика станowego пристава, которого крестьяне по старой традиции боялись. На него смотрели как на пугало. Исчез и урядник, к нему относились тоже с опаской, но все-таки иногда разговаривали и даже спорили.

Самый большой страх крестьяне раньше постоянно испытывали перед царем. Поэтому после революции, когда уже вся жизнь строилась по-другому, когда в стране происходили такие перемены, что даже дух захватывало, бывало, кто-либо из крестьян вдруг выпаливал:

– А что же с нами будет, если вдруг вернется царь?

Вскоре наступил сложный и трудный период в жизни нашей деревни – германская оккупация, освобождение от оккупации, и прошло еще немало времени, прежде чем прочно закрепилась советская власть.

Бесчинства кайзеровских оккупантов

В начале 1918 года немецкие войска оккупировали западные районы страны, в том числе и Гомельщину. Они возникли как из-под земли. Все новые и новые части кайзеровской армии двигались на восток. Оправдалось то тревожное предчувствие, которое распространилось в народе уже при первой вести о войне с Германией.

Агрессор пришел с оружием в руках, как поработитель. Его остановил только Брестский мир (март 1918 г.), представлявший собой гениальный политический ход В.И. Ленина. Брестский мир хотя и был бременем для Советской республики, но не затронул коренных завоеваний Октябрьской революции, а это и нужно было стране.

Советская республика вышла из империалистической войны, получила мирную передышку, необходимую для решения сложных внутренних проблем, для создания Красной армии. Прошло всего восемь месяцев, и революция в Германии свергла власть императора Вильгельма II. 13 ноября 1918 года советское правительство аннулировало Брестский договор. Это было торжество ленинской позиции, ленинского предвидения.

Когда кайзеровские солдаты, обученные шагистике, рвались на восток, они не шли, а прямо-таки шагали. Но вот наступило время отступать на запад, и они позорно побежали. Оккупируя, а затем покидая нашу землю, захватчики бесчинствовали. Они грабили города и села, угоняли скот, грузили его на поезда, отправлявшиеся в Германию. У населения отбирали лошадей для перевозки немецких солдат. Нашего соседа оккупанты избили до полусмерти только за то, что он не сказал им, кому принадлежала лошадь, которую они пытались поймать, но не смогли. Вообще избивали или убивали каждого, кто пробовал сопротивляться грабежу и разбою. Так было и в нашей деревне, и в близлежащих селах.

В Старых Громыках они шли по дворам и угоняли коров.

Как сейчас помню, трое вооруженных солдат начали уводить со двора и нашу корову. Мой отец и его братья, Николай и Иван, находились в то время в лесах, так что помочь ничем не могли. В хате старшим оставался дед Матвей. Он и бросился отнимать корову, смело, отчаянно. Один из солдат стал целиться из винтовки в деда. В этот момент корова, запутавшись в веревке, упала на землю. Минуты замешательства было достаточно для того, чтобы все мы – и женщины, и дети, в том числе я (мне было девять лет) и семилетняя сестренка – повисли на руках деда, удержали его от безнадежной борьбы.

Помню, как дед Матвей глубоко переживал, что оккупанты увели корову. Он после этого, можно сказать, не находил себе места. Человек от природы сдержанный, он обладал глубоким внутренним тактом. Не могу вспомнить, чтобы когда-нибудь он по-настоящему выругался с употреблением крепких крестьянских выражений. Дед горевал:

– Что этому проклятому германцу нужно? Зачем он увел последнюю корову? Даже детей оставил без молока.

Женщины нашей деревни, в том числе моя мать, долго еще потом выходили за околицу, поглядывали в ту сторону, куда ушли грабители, видимо надеясь, что те вдруг опомнятся и вернут коров. Но коровы так и не вернулись. Сарай, куда мы с сестренкой бегали по утрам, чтобы выпить парного молока, опустел.

Однажды утром вся деревня Старые Громыки оказалась в дыму. Его принес ветер из находившегося в тридцати километрах очень большого села Перелевка, которое было полностью сожжено. Та же участь постигла и многие другие села и деревни. Это была месть оккупантов за действия партизан, за неудачи в попытках их уничтожить.

Гнев и ненависть к грабителям и убийцам были настолько сильны, что даже мальчишки, подражая взрослым, объединялись в небольшие группы и уходили в окрестные леса. Это явле-

ние возникало само собой, его не организовывали взрослые. Правда, родные искали детей, а найдя, даже наказывали, но конечно же со скидкой на вполне понятные настроения.

В одной такой группе был и я. Прятались мы во ржи и в кустарниках. Однажды, когда мы находились в середине большого ржаного поля, появился вражеский кавалерийский разъезд. Нас заметили, так как мы все же были ростом несколько выше ржи. Разъезд приостановился. Мы решили, что нам пришел конец, ведь ни у кого из нас не было ни винтовки, ни пистолета, только обыкновенные кухонные ножи, да и то не у всех. От отряда отделился всадник, подъехал к нам и... повернул назад. Он, видимо, информировал офицера о «стратегической» ситуации, и всадники последовали дальше, в соседнее большое село Железники.

Еще до того, как наша местность была захвачена оккупантами, через нее на повозках со скарбом ехало на восток много людей, которые бежали от немцев. Это продолжалось в течение ряда недель. В своем большинстве это были поляки и белорусы, в том числе проживавшие и на той территории, которая входила в состав Польши. По-русски беженцы часто говорили неважно, но население их понимало и относилось к ним хорошо. Иногда беженцы меняли кое-что из своих пожитков на продукты. С отступлением германских войск на запад беженцы стали возвращаться в родные места.

К январю 1919 года Гомельщина была очищена от немецких оккупантов.

В исторической литературе Запада, относящейся к событиям того периода, делается попытка как-то затушевать кровавые преступления кайзеровской солдатни на советской территории. Факты опровергают эту «лакировку» поведения оккупантов. Если по масштабам преступлений они и уступают кому-то, то только гитлеровцам.

Уже тогда в мое сознание глубоко запала мысль, что войны между государствами – великое зло и что германец, напавший на нашу страну, – это враг. Зачем ему наша земля, зачем ему убивать русских? Мы, мальчишки, часто устраивали импровизированные игры, в которых одна часть из нас представляла собой захватчиков, а другая – русских. Наши «стратеги» так организовывали ход «боевых действий», что почти всегда побеждали русские.

Какой же мальчишка тех лет не любил играть в войну? Перед началом всегда происходила одна и та же процедура – участники расхватывали имена полководцев. Делалось это быстро, с криком, наперебой:

- Я – Суворов!
- Я – Потемкин!
- Я – Александр Невский!
- А я – Дмитрий Донской!

Имена тех, с кем сражались эти герои, мы не всегда знали. Но вот кто-то выкрикивал:

- Я – Кутузов!

Тут сразу же возникал вопрос:

- А кто же будет Наполеоном?

Быть Наполеоном не хотел никто. По рассказам взрослых и из книжек мы знали, что он – захватчик и сжег Москву. Имя Кутузова отвергали по простой причине:

- Наполеона нет. Кутузовым ты не будешь.

Чингисханом и ханом Батыем тоже никто не хотел быть. Я почему-то выкрикивал:

- Я – Румянцев!

Уж очень хотелось дать отпор туркам. Старался прокричать поскорее, чтобы никто не перекричал меня. Это имя не собирался уступать никому.

Спроси меня тогда, кто такой Румянцев, вряд ли сказал бы что-либо вразумительное. Знал только, что он полководец и воевал с турками.

И все же я изо всех сил, напрягаясь, чтобы услышали все-все вокруг, кричал:

- А я – Р-Р-Румянцев!

Мне нравился рыкающий пережат начал этого слова, да и вообще все его звучание. Оно напоминало о красоте поспевающих вишен, слив, казалось близким всему тому, что окружало наш дом, – садику, кленам с красноватыми листьями, багряному по осени лесу.

Нелегко было договориться о противнике, о его командирах. Споров рождалось немало. Тем не менее игры происходили.

Наступила осень, начались занятия в школе. Зима – неподходящее время, чтобы играть в войну. А за год ребята изменились, и прошлогодние мечтания детства как-то потускнели, а потом и отпали сами по себе. Весной мы еще пробовали называть друг друга громкими именами полководцев, но прежний энтузиазм уже не появлялся. Мы выросли.

Где вы, суворовы моего детства? Знаю, что в лихую годину все вы взяли в руки настоящее оружие. Почти никто не вернулся в родную деревню с полей Великой Отечественной... Могилы ваши разбросаны и по всей нашей стране, и за ее границами. Только, возможно, кое-где на табличках над теми могилами стоит ваша короткая настоящая фамилия.

Ликование охватило наш край после того, как его в первые годы после революции очистили от немецких войск, а органы советской власти стали крепнуть. Правда, по лесам кое-где еще бродили небольшие банды грабителей. Иногда их называли «зелеными», чаще – никак не называли. В самом деле, некоторые из них, не найдя места в мирной жизни, занимались просто грабежом. А население не всегда было в силах дать отпор – оружия ему не раздавали. Но это явление продолжалось недолго.

Постепенно хозяйственная политика советской власти совершенствовалась, у крестьянства появилась заинтересованность в налаживании и развитии сельскохозяйственного производства. Особым стимулом для этого явилась замена продразверстки продналогом. Ленинская идея о такой замене сработала хорошо.

Вспоминаю один случай. Как-то на сельском сходе выступал докладчик, задачей которого было не только пропагандировать политику новой власти, но и дать людям хотя бы общее представление о том, что такое теория Маркса – Ленина, на которой строится эта политика.

Докладчик старался объяснить в доходчивой форме:

– Маркс, разрабатывая свое учение на основе передовой мысли, критически использовал достижения других ученых, в частности Гегеля. У последнего Маркс взял все хорошее, то есть взял у него рациональное зерно, и ничего другого, неподходящего, не брал.

Оратору казалось, что все было ясно. Закончив доклад, он поинтересовался:

– Есть ли у кого вопросы и все ли понятно?

Один крестьянин, человек разбитной, но не очень грамотный, не слышавший до того даже имени Гегеля, спросил:

– Можно задать вопрос?

Ему это, естественно, разрешили. Однако вместо вопроса у него получилось скорее заявление. Крестьянин сказал:

– Вот вы говорите, что Маркс у Гегеля взял только рациональное зерно, а больше ничего не брал. У нас же на днях забрали решительно все зерно, почти не оставили на посев.

Докладчику пришлось вторично разъяснять разницу в философских воззрениях Маркса и Гегеля. Что же касается высказываний крестьянина, то за ними стояла простая вещь: при продразверстке под излишки иногда подводилось и то, что крестьяне оставляли себе, чтобы прокормиться и засеять поле.

Так было до введения продналога. Позже крестьянин уже знал, чего и сколько он должен сдать государству, а что останется в хозяйстве. У крестьян, таким образом, появилось больше уверенности, что новая власть его интересы уважает. А это не могло не сказаться положительно на производительности сельскохозяйственного труда. В свою очередь у государства расширились возможности для снабжения продовольствием города, рабочего класса.

«Ночные университеты»

Незаметно – с каждым глотком родного воздуха, под звуки колыбельной песни матери, начиная с раннего детства, а позже под влиянием сказок, преданий, красивых и страшных, народных песен, возникших неизвестно в каких глубинах истории, – формируется духовный и нравственный мир человека.

А влияние истории, фактов из биографии выдающихся деятелей, не щадивших своей жизни при защите родной земли?

А бесценные памятники старины, пусть это будут даже простые руины, над которыми и сегодня ломают головы археологи?

А наскальные надписи, старинные соборы, часовни, скиты, книги и рукописи, даже неразгаданные обломки древних вещей, лежавших в земле века, – вещей, к которым много столетий назад прикасались руки наших далеких предков?

Разве все это при знакомстве с ним не западает в душу младенца, юноши, взрослого человека и не остается на всю жизнь?

Недостаточно в нашей литературе, особенно художественной, используются неисчерпаемые бесценные кладовые истории! А ведь настоящих патриотов и сегодня можно воспитывать, только используя всю гамму средств, воздействующих и на интеллект, и на чувства человека.

И тома истории, и художественная литература, посвященная памятным событиям, и книги, пером талантливых писателей населенные народными героями, будут читателя волновать, будут будить его симпатии и антипатии, будут обогащать его представления о добре и зле, о любви и ненависти, о правде и лжи, будут воспитывать чувство преданности родине – то чувство, с которым миллионы наших людей в жестокую годину войны защищали свой народ, свои поля и леса, свои города и села, свои очаги, построенные руками отцов и дедов.

Чувство патриотизма зарождается буквально с начала жизни. Тут и влечение к дому, где родился и произнес первое слово, тут и привязанность к родным и близким, тут и преданность своему городу, поселку, деревне, которые навсегда остаются в твоей памяти, холмам и рекам, с которыми ты рядом рос. Все это вместе и есть любовь к родине.

Сегодня мы по праву, говоря о патриотизме, употребляем это священное слово вместе со словом «советский». Оно выражает преданность всем ценностям нашего социалистического общества. В этом обществе оно неотделимо от любви к родине, приверженности к свободе, от презрения к эксплуатации человека человеком и к образу жизни того общества, господином которого является капитал.

Закономерно задать вопрос: как же все то, что я в детстве наблюдал, впитывал из окружающего мира, сказалось на моем складе ума, на формировании взглядов на мир, последующих привязанностях? Я бы ответил на него так: все это рождало пытливість, жажду знаний, стремление делать добро для людей, для своей страны. Это чувство было так сильно, что в мечтах я представлял себя часто в составе русской армии, защищающей страну от вражеских нашествий, сражающейся против врагов – монголо-татар, шведов, японцев, германцев.

Местность, где я родился и жил почти до пятнадцати лет, усеяна множеством древних курганов, происхождение которых никто не мог мне объяснить. Даже когда я и мои товарищи поступили в среднюю школу и стали задавать соответствующие вопросы своим учителям, убедительных ответов мы не получали.

Однажды группа подростков решила раскопать один из древних курганов на окраине Старых Громык. Несколько дней мы работали лопатами и частично раскопали курган. Но ничего особенного там не нашли, за исключением небольшого кусочка металла, – возможно, частицы конской сбруи. Однако никто из взрослых не заинтересовался нашей находкой.

В народе ходила молва, что курганы появились либо давным-давно, либо после нашествия поляков в начале XVII века, в период Смутного времени на Руси, либо в самом начале XVIII века, когда через территорию Гомельщины прошли шведские войска, направлявшиеся к месту роковой для них битвы под Полтавой. Бытовала версия и о том, что происхождение курганов относится ко времени наполеоновского нашествия на Россию в 1812 году. Но молва остается молвой. Как в действительности обстоит дело, сегодня историкам и археологам известно больше, чем прежде, но не все.

Загадка курганов послужила своего рода толчком, который усилил у меня интерес к истории страны.

Только те, кто проходил школу ночного, знают, какое значение оно имело для подростков и юношей. Нет, пожалуй, ни одного известного мифа и, добавлю, ни одного забавного анекдота, которые не были бы рассказаны в этом «университете». В ночном – с девяти или десяти часов вечера и до восьми утра – по два-три часа говорили рассказчики, недостатка в которых не было.

Должен сказать, что ночное давало не только какие-то знания, хотя и своеобразного свойства, но и обогащало житейскими сведениями, или, как теперь принято говорить, снабжало информацией молодых людей. Тот, кто испытал удовольствие от ночного, удовольствие в известном смысле, потому что это был труд, и притом нелегкий, – тот сожалеет, что этот «университет» сейчас канул в прошлое. Да, о нем сохранились одни лишь воспоминания. Трактор, комбайн, вообще техника не оставили простора для «ночных университетов».

Читать, читать, читать...

Да, я любил и люблю читать. С детства, когда научился складывать из букв слова, из слов фразы. Прочитанное заставляло думать. Так научился размышлять.

Бывало, спешишь домой из школы, а как только придешь, то сразу книгу в руки и стараешься найти какой-нибудь укромный угол, чтобы никто не мешал. Читаешь и обдумываешь все, что только сейчас узнал. А потом дальше читаешь и снова думаешь над строчками раскрытой страницы.

Книги попадались мне в основном случайные, системы в чтении не было никакой. Читал все подряд. Но подумать по поводу только что узнанного из книги старался.

Как-то при содействии друзей мне попала книга «Живописная астрономия». Том был дореволюционный. В тексте то и дело попадалась буква «ять». На обложке стояли имя и фамилия автора: Камилль Фламмарюнь. Ни за что не поверил бы этот французский астроном, если бы ему сказали, что где-то в деревне средней полосы России школьник штудирует его книгу по астрономии так, будто ему по ней предстоит сдавать экзамен.

Я почему-то на всю жизнь запомнил первый рисунок из той книги и четкую подпись под ним: «Земля наша несется на крыльях Времени, стремясь к неведомой цели...»

Через шестьдесят пять лет в ответ на мой запрос работники из библиотеки имени В.И. Ленина поинтересовались:

– А какое нужно издание книги Фламариона?

Я ответил:

– То, в котором имеется такая подпись под первым рисунком.

И я ее назвал. Они нашли это издание. Память не подвела. Все совпало.

Задавал я себе и такие вопросы: «А что такое люди? Что такое животные, домашние и дикие? Что такое птицы? Откуда это все?»

О Дарвине я тогда еще не слышал. Соответствующая литература пока еще просто под руку не попадалась.

Узнав о книге с интересным названием, готов был идти на дальние расстояния: пусть тридцать, пусть сорок километров лежало до нее – я никогда об этом не жалел. В конце концов возвращался домой с «добычей». Ходил за книгами и в соседние деревни и села, и в центр волости, где находилась, как мне тогда казалось, большущая библиотека. В ней как-то раз и напал я на труд немецкого ученого-естествоиспытателя Вильгельма Бёльше. Называлась книга «Любовь в природе». Подумал: «Вот тут, наверное, о многом можно вычитать. Что это за штука – любовь в природе?»

Опять штудировал книгу. Кое-что уяснил. Но многое осталось и непонятным. Работу автор проделал огромную, создал объемистый труд с подробными описаниями разных природных явлений как в мире растений, так и в мире животных. Поражала стройная система фактов, сгруппированных вокруг определенного феномена, и обилие иллюстраций, особенно относящихся к фауне.

Наряду с атеистической и природоведческой литературой я старался достать и литературу по истории России, о наших предках, а также о жизни и подвигах революционеров, в том числе народников. Меня увлекали рассказы о В. Засулич, С. Халтурине, шлиссельбуржце Н. Морозове, которого я встречал позже в Москве. С восторгом прочел брошюру о побеге из царской тюрьмы Дейча, Стефановича и Бохановского¹.

¹ В 1986 году экземпляр этой брошюры удалось найти только сотрудникам Государственной публичной исторической библиотеки. Вспоминая далекое отрочество, с интересом я читал на обложке: «М.Ф. Фроленко. «Побег Дейча, Стефановича и Бохановского». Москва, 1924 г. Издательство Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев». (Примеч. авт.)

Труднее всего было доставать книги по всеобщей истории. Из тех, которые были доступны, я особенно внимательно читал работу М.Н. Покровского. Объяснялось это, видимо, тем, что мне впервые попала такая солидная книга, хотя, как известно, ее автор защищал по ряду проблем концепции далеко не бесспорные.

Диапазон интересовавших меня тем расширялся. Появилось увлечение книгами о путешествиях, географических открытиях. До сих пор помню, как был захвачен рассказами о морских путешествиях Джеймса Кука.

В течение нескольких лет, включая годы обучения в первых классах средней школы, я просто «глотал» книги и еще не мог определить, какой же все-таки должна стать моя будущая специальность. Одно время, например, мои симпатии завоевали геометрия и тригонометрия. Больше всего меня волновал вопрос, как люди догадались о существовании в математике, особенно в указанных областях, строгих законов. Допустим, не очень сложной является математическая закономерность: квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов. Тут даже экспериментально, путем измерений можно доказать правильность этого закона. Но как быть с более сложными вопросами?

Всем этим я так увлекся, что в летние каникулы уходил в лес, чтобы измерять расстояние между деревьями, узнавать высоту дерева, не забираясь на него, применяя и проверяя определенные геометрические и тригонометрические законы. Я знал, что эти законы давно установлены, но как-то не мог удержаться от того, чтобы самому не попробовать проверить их на практике. И это доставляло мне удовлетворение. Все же постепенно интерес к математике охладел, а к гуманитарным наукам возрос, хотя к моим старым знакомым – геометрии и тригонометрии – я еще много раз возвращался, даже в часы отдыха.

Поглощая историческую, художественную и другую литературу, я нередко задумывался над тем, что вот читаешь книги, восхищаешься ими, а ведь их пишут люди! Да, это, должно быть, какие-то особые люди! Они, наверное, уже рождаются на свет с таким талантом, иначе разве научишься писать книги? Размышляю так, а сам начинаю про себя читать наизусть что-нибудь из произведений А.С. Пушкина, или из романа И.А. Гончарова «Обломов», или из «Дворянского гнезда» И.С. Тургенева. Цитировал отдельные страницы, части страниц. Вообще-то заучивание наизусть давалось мне легко, без особых усилий.

Душевный трепет вызывали во мне строки наших классиков. Читал их много, часто по нескольку раз. Бывало, услышу, как кто-то произносит пушкинское: «Я к вам пишу, чего же боле...», и уже жду, будет ли говорить дальше. То же случалось, когда при мне звучали песни на тексты русских поэтов. За сердце хватало меткое и точное слово, музыка стиха, сама песня!

С произведениями Гоголя я познакомился сначала в пересказах старших. Его «Вий» и другие повести из «Вечеров на хуторе близ Диканьки», насыщенные романтикой и лиризмом, даже в устном воспроизведении казались и страшными, и в то же время красивыми. Потом я читал эту книгу и был как замороженный в мире белых хат, веселых чубатых казаков и сварливых шинкарок, тонкого гоголевского юмора. Народность и правдивость поражали настолько, что все страхи отступали на задний план и очень хотелось, чтобы все происходившее у Гоголя, вся юдоль и озорство – вплоть до полетов его героев на метле и на черте в Петербург, – все было истинной правдой.

Через некоторое время я достал Одиссею в переводе В. Жуковского и Илиаду в переводе Н. Гнедича. Знал я В.А. Жуковского как поэта и очень удивился, узнав, что он еще к тому же и переводчик.

Сотканный из далекой были и легенд мир, населенный героями троянской эпопеи, находится на особом счету у человечества. Сколько бы ни спорили историки и археологи о деталях, относящихся к этой эпопее, творения гениального ахейца с течением времени не только не тускнеют, но светят еще ярче, чем прежде. Поражает энциклопедичность автора Илиады

и Одиссеи. Его поэтический дар бросил в наши руки само событие с такой силой красок и блеском граней, что оно и сегодня воспринимается как объемное и четкое.

И вовсе не важно, изображены ли в творениях Гомера события реальные или плоды могучей фантазии поэта, все они обогащают сокровищницу наших знаний о Древнем мире.

То же следует сказать и о самих героях эпопеи – Приаме и Менелее, Ахилле и Гекторе, Агамемноне и Парисе, Одиссее и Пенелопе, Елене и Кассандре, о многих других героях, независимо от того, являются ли они реальными историческими личностями, или их тоже сотворило воображение автора.

А чего стоит одна лишь легенда о «тroyанском коне»? Сегодня не только художественное слово, но и сама мысль людей была бы беднее, если бы не существовало этого литературного подарка, посланного нам из далекого прошлого.

Илиада и Одиссея остаются бесценным источником знаний о Древнем мире. Из них люди черпают сведения о жизни далеких предков, об их нравственных ценностях, о господствовавших у них понятиях добра и зла, любви и ненависти, чувства долга и коварства, о философии.

Со многими из богатств этой кладовой поэта человечество сроднилось настолько, что в наше время нелегко найти образованного, да и просто культурного человека, который не слышал бы о Гомере и его произведениях. Искусство, особенно живопись и театр, вообще нельзя себе представить вне связи со звонкой поэтической песней – Илиадой и Одиссеей, – прилетевшей к нам через тысячелетия.

Не скажу, чтобы легко читался древнегреческий гекзаметр. И стих, и слог, конечно, были для меня тяжелыми, хотя и переводили эти поэмы выдающиеся поэты-переводчики. Но фабула захватывала. Особенно пленили воображение такие герои, как Ахилл и Гектор. Как-то невольно сравнивал их с теми былинными русскими богатырями, которых уже знал по литературе.

Разве не об отваге и верности долгу говорит нам картина знаменитого французского художника Жака Луи Давида «Прощание Гектора и Андромахи», украшающая Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина в Москве?

И Гектор, и Андромаха знают, что защитник Трои идет на смерть. Так оно и случится: Гектор погибнет в схватке с Ахиллом. Но картина, как и сама Илиада – творение гениального поэта, вызывает не слезы, не страх перед смертью, а чувство уважения к человеку, который проявляет непреклонную волю выполнить патриотическое предназначение до конца. Знаменитая сцена прощания воина с любящей женщиной и в поэме, и в живописи утверждает бессмертие мужества.

Не могу смотреть на эту картину без глубокого волнения. Такое же чувство испытываю и тогда, когда перечитываю в Илиаде сцену, наполненную суровым драматизмом самопожертвования: жены – любовью, мужа – жизнью.

А потом познакомился с «Фаустом» И.В. Гёте. Сознаюсь, поначалу не вызвал он у меня большого интереса. Показался сложным и каким-то вычурным. Для меня было странным, что выведенным в качестве главного персонажа в нем оказался какой-то получеловек-полумиф. Лишь годы спустя и доктор Фауст, и особенно Мефистофель предстали передо мной в ином свете.

Чтение такого рода привело к тому, что однажды я сам себя спросил: «А почему бы мне не завести нечто вроде «альбома» и самому не попробовать писать кое-что? А почему бы не стихи?»

И начал. Вскоре появился добрый десяток собственных стихотворений. Рифмовал их, как мог, старался. Однако и хранил их как величайший секрет. Но все же собственное творчество рассматривал скептически. И наконец скептицизм одолел. Как писал скрытно и секретно, так и сжег все это скрытно и секретно. Действовал так, что никому из домашних ничего не ска-

зал. Успокаивал себя весьма своеобразно: «Ведь даже Гоголь сжег второй том «Мертвых душ», не понравились они ему. А он был великий писатель, не какой-то там неизвестный мальчуган».

Этот секрет я поведал только данной книге.

Иногда приходила в голову такая мысль: «А нормально ли я себя веду? Почему я иногда очень хочу побыть наедине и поразмышлять, как правило, над какой-либо интересной книгой?»

Постепенно возникшая тяга к раздумьям в одиночестве стала сочетаться с более активными, даже энергичными действиями. Хотелось работать для людей совместно с друзьями – теми, кто мог это сделать по уровню подготовки и был моим сверстником по возрасту. Появились друзья, у которых пробивалось то же стремление к знаниям. Хотя были и такие, которые не очень любили читать и вдумываться в прочитанное, считали, что полученных знаний и навыков в работе достаточно для будущей жизни.

Но все же учение и общественная работа открыли выход для нашей энергии, и юноши стали раскрывать свое «я». Каждый делал это по-своему. Но дня не проходило, чтобы мы не ходили «в народ» – так мы называли тогда выполнение той или иной общественной работы. Сами часто удивлялись: почему это взрослые прислушиваются к нам и даже, кажется, нас уважают?

Такое отношение со стороны старших по возрасту людей придавало нам еще больше энергии.

«Партия жива, с ней и будем жить»

Что касается общего взгляда на мир, на духовную жизнь человека, то до тех пор, пока в мои руки не стала попадать революционная литература, выпущенная после 1917–1918 годов, стройных воззрений в голове не было. Но какие-то их ростки созревали. Например, едет по селам священник Волтовский на подводе. Крестьяне выносят ему кто что может – преимущественно зерно или крупу. Сам он в дома не заходил, соблюдал «достоинство». Наблюдая все это, я задавал себе вопрос: «Если священник проповедует Бога, то и Бог должен помогать ему?» Но ведь не помогает почему-то. Значит, делал я вывод, скорее всего, Бога нет вообще! Взрослые эту болезненную тему в разговорах не затрагивали. Выслушивая вопросы, они, по обыкновению, отмахивались, как от надоедливой мухи.

Могу сказать одно: неосознанный материализм уже засел в головах мальчишек. Вот почему я, в тринадцать лет став комсомольцем, и некоторые мои друзья, тоже комсомольцы, уже выступали с докладами на антирелигиозные темы перед жителями села. Хорошо помню, как некоторые пожилые крестьянки, узнав, что в такой-то избе проходит комсомольское собрание и на нем один из комсомольцев делает доклад о том, будто Бога нет, проходя мимо, крестились.

С удовольствием вспоминаю, что никогда ни отец с матерью, ни другие родные и близкие не упрекали меня за антирелигиозные убеждения, хотя не все разделяли их.

Здесь стоит упомянуть о том, как мы, подростки, решили проявить себя на поприще искусства. После революции появилось немало разных брошюр, в которых публиковались и пьесы. В них отражался дух революционных событий, происходивших в стране после Великого Октября.

Мы набрали на пьесу, в которой в открытой форме сталкивались революционные идеи с идеями контрреволюции, ощущалось бурное время Гражданской войны.

Названия пьесы я уже не помню, но ее содержание засело в сознании. Главными персонажами в ней были «красный командир» и «офицер-белогвардеец». Между ними и происходил на сцене жестокий спор.

А как же быть с актерами?

Подобрали боевого парнишку, отчаянного по характеру, звали его Иван. Ему поручили роль «белого офицера».

Кто должен быть «красным командиром»? Мои друзья в один голос сказали:

– Андрей. Доклады делает, так пусть и сразится с «белым офицером».

Я не отказывался. Это доверие мне импонировало.

Были в пьесе и другие персонажи, но они не занимали видного места.

С жаром мы проводили репетиции. Помещение предоставила школа. В ее зале вполне могло поместиться человек сто – сто пятьдесят.

Костюмов и вообще необходимого театрального реквизита у нас не было никакого. Поэтому на сцену мы вышли в той же обычной одежде, в которой ходили дома. Старались только, чтобы она не оказалась рваной: все же предстояло выступать на сцене! «Белому офицеру» сделали что-то похожее на погоны. Он часто искоса посматривал на них, чтобы проверить, как они выглядят и не свалились ли с плеч. Но главным атрибутом его костюма были новые сапоги, которые он постарался начистить до блеска. Как-никак «офицер»! А у меня, наоборот, сапоги были поношенные, хотя и добротные, «настоящие пролетарские», как мы их называли. Еще и с металлическими подковками на каблуках. Да и всю мою одежду мы старались сделать с виду более скромной, но все же достойной – ведь носил ее «красный командир». На наших поясах висели настоящие кобуры, но пустые, без револьверов.

По ходу пьесы «красный командир» должен был проявлять храбрость, учитывая, что еще неизвестно, как будет вести себя «белый офицер».

Завязался спор. «Белый офицер», разумеется, защищал богатых. О бедных он говорил так:

– Ведь кто-то должен работать? Должен – и все тут! Вот пусть и работают люди на заводах, на фабриках, на полях, строят дороги, гоняют по рекам плоты. А другие люди должны всем руководить, в том числе и теми, кто работает.

В этом и состояла философия «белого офицера» Вовы – так именовался персонаж.

«Красный командир» возражал против того, чтобы всем руководили богатые, эксплуататоры.

– Все люди должны быть равными, – говорил он. – Все должны работать. Для этого и делали революцию рабочие и крестьяне во главе с Лениным.

Такую философию решительно отстаивал «красный командир» Кеша.

Другие персонажи осторожно вмешивались в спор и тоже делились на две группы, причем группа «красных» была более многочисленной.

Положенные слова «актеры» выучить как следует не успели. Посадили в углу под сцену суфлера. Его специально предупредили, чтобы свои обязанности исполнял честно. Но так как он разместился неудобно, то мы часто не могли его слышать. Поэтому порой импровизировали, подбирая в этих случаях самые крепкие слова, хотя и соблюдали меру, чтобы не вызвать протесты взрослых зрителей. Кстати, среди них находилась и моя мать. Суфлер тоже старался вовсю. Говорил он порой громко, чтобы перекричать артистов, когда они произносили не то, что написано в тексте. А когда до нас доносились четкие слова суфлера, мы все же их повторяли.

Весь спектакль выглядел, конечно, весьма странно.

Но все сошло. Исполнители главных ролей даже не подрались, хотя на сцене в споре часто бывали близки к этому. Когда я пришел домой, то мать сказала:

– Я боялась, что он порвет на тебе новую рубашку.

Одним словом, все были довольны: и актеры, и организаторы спектакля, и публика, которая вела себя на редкость спокойно и, главное, терпеливо. Так происходило, наверное, потому, что она до этого никаких постановок в нашей деревне не видела.

На этом и закончилась моя «артистическая карьера».

Но и сейчас почему-то вспоминаю не только некоторые слова, что произносил я сам, но и то, что сказал, обращаясь к своему «денщику», «белый офицер»:

– Ах, черт возьми, парадокс! А сапоги-то мои вычищены, я тебя спрашиваю?

Услышав реплику, «денщик» побежал чистить запасные сапоги «офицера»... И, остывшись, угодил в «будку» суфлера. Последнему от этого не поздоровилось. Он рассердился и чуть не сбежал. Но в конце концов инцидент был улажен.

Позднее к такому виду общественной работы на селе, как постановка пьесы, мы больше не возвращались. Предпочитали другие, более активные и зрелые формы, разумеется посильные.

В начале 1923 года комсомольцы избрали меня секретарем сельской комсомольской ячейки. Молодым комсомольским вожакам как воздух нужна была помощь и поддержка старших. Инструкции для ячеек в волости давались, естественно, волостным комитетом комсомола. Эти инструкции касались почти всех сторон жизни села. Комсомольцы должны были служить примером для крестьян, для сельской интеллигенции. Примером! Как много это значило для нас.

С каким энтузиазмом я читал получаемые из волостного комитета комсомола инструкции. Мне казалось, что я общаюсь чуть ли не с самим Карлом Марксом. Читал и вновь перечитывал их, и каждый раз получал огромное удовлетворение. Родные, как могли, содействовали

моей работе в комсомоле. А когда они, как и другие односельчане, увидели, что при выборах в сельский совет комсомольцы добивались избрания тех кандидатов, которых выдвигала их ячейка, тогда к нам уже все взрослые стали относиться совсем по-серьезному.

Все эти события моей юности во многом наложили отпечаток на сознание и на формирование взглядов на жизнь. Разрозненные факты служили материалом для обобщений, учение – вплоть до окончания аспирантуры в 1936 году – обогатило память и в идейном, и в политическом отношении, полностью сформировало мою индивидуальность. В известном смысле благодарен я и сложным условиям материальным. Трудностей приходилось преодолевать немало, и я учился бороться с ними. Так формировался характер.

В юношеском возрасте часто приходилось быть одному в поле или на лугу недалеко от села. День жаркий. Ни души вокруг. Птицы и те попрятались от жары. Вдруг звон церковного колокола. Удары, скорее всего, на благовест. Каждый удар, как гром, рушит тишину. Рой мыслей в голове. Одна тяжелее другой. А вдруг похороны? Кладбища в Старых и Новых Громыках не так далеко. Мысли одна грустнее другой. Вдруг спохватишься, тряхнешь головой, скажешь сам себе:

– А ну-ка, друг, что-то ты размяк! Нельзя ли быть пободрее?

Ловишь себя на том, что сердце зачастило, да и в горле то ли першит, то ли его чем-то сдавливает. Видимо, сказывались какие-то особенности возраста. И тут даешь сам себе обещание: положить конец проявлению слабости. Пройдешься быстро взад-вперед или проскачешь верхом на лошади, пока все опять придет в норму.

Моменты, подобные этому, бывали и у других. О чем-то похожем рассказывали и некоторые мои сверстники.

В художественной литературе разных стран есть немало примеров, когда с проникновенностью описывается душевное состояние молодого человека, очутившегося на лоне природы наедине с самим собой. Есть это у Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева и у многих других художников слова. И не грешат они против истины.

Когда окидываешь взглядом пройденный путь, то приходишь к выводу, что каждый его значительный период имеет не только светлые стороны, но и трудные времена. Это, в частности, относится к периоду моего обучения, начиная с семилетки и до окончания аспирантуры. Конечно, родители делали все, чтобы помочь мне, хотя сами испытывали нужду. Не хватало продуктов. В этих условиях я сам должен был заниматься и физическим трудом, особенно в летнее время.

В январе 1924 года на страну обрушилось горе – умер Ленин. Стояла суровая зима. Мы шли, с трудом пробираясь через огромные сугробы, к школе – там состоялось траурное собрание. Выступали учителя, а мы слушали их и думали, как много этот человек, которого никто из нас никогда не видел, сделал для нас, сидящих в этой школе, за этими столами, на этих лавках, для всех рабочих и крестьян России.

Односельчане только и говорили что о смерти Владимира Ильича. Задавали много вопросов. Главный из них: «Что же теперь будет?»

Обращались и ко мне. Считали, если я комсомольский секретарь в ячейке, то обязан объяснять все.

– Ты – комсомол, – говорили мне. – Расскажи, как же мы жить-то будем без Ленина?

Что я мог им ответить? Я и сам хотел, чтобы мне кто-нибудь это толком рассказал. Но вспомнил все же тогда фразу, которую услышал о Ленине еще в первые дни Великого Октября: «Революцию сделали Ленин и его помощники». И придумал отвечать так:

– Ленин умер, но его помощники – партия – живы. Вот с ней и будем жить.

Большая озабоченность судьбами всей страны чувствовалась у крестьян деревни, но они верили в будущее, в то новое, которое началось при Ленине. Неверию не должно было быть места в нашей жизни!

К тому времени я уже прочитал речь Ленина на III съезде комсомола, всей душой воспринял его призыв «учиться, учиться и учиться». Ленин как будто в душу мне заглянул.

По окончании семилетки и профтехшколы в Гомеле я пошел учиться в техникум. Он находился в городе Борисове, недалеко от Минска.

Дом, в котором мне пришлось там жить, был деревянный, одноэтажный. Но построили его когда-то с определенным архитектурным вкусом. Этот дом был знаменит прежде всего тем, что в нем ночевал Наполеон Бонапарт. Случилось это в то время, когда император вместе с остатками своей разгромленной армии уносил ноги из России. От дома примерно в километре протекает вошедшая в историю река Березина.

Наполеон и его армия решили переправляться через нее у деревни Студенки. Переправа обернулась для них трагедией – пятьдесят тысяч французов нашли свой конец в ледяных водах Березины, о чем позаботились чудо-богатыри Кутузова. Именно здесь войско вторжения под ударами русского солдата перестало существовать. И по сей день на дне реки под толстым слоем ила и песка при поднятии донных пластов грунта находят различные предметы – остатки обозов Великой армии с награбленным российским добром.

Что касается дома, о котором я напомнил, то его все так и называли – «наполеоновский». Причем, именуя его таким образом, обычно вкладывали в это солидную порцию сарказма в адрес императора-банкрота, которого история породила, казалось, только для того, чтобы в назидание потомкам сначала поднять на вершину славы, а потом безжалостно сбросить вниз.

Нынешней молодежи мало что говорит так называемый «Дальтон-план»², но в мои студенческие годы в Борисове и Минске преподавание по методу, который лег в основу этого плана, практиковалось в учебных заведениях – и высших и средних. Заключался он в следующем. Курс разбивался на группы по четыре – шесть человек, и преподаватель, проверяя подготовку студентов, беседовал не с каждым из них, а как бы с группой в целом. Конкретные люди при таком методе фактически обезличивались. Оценка знаний всех иногда определялась по выступлениям тех, кого сама группа специально для этого выделяла. Поэтому случилось так, что те, кто ловчее, отделялись двумя-тремя фразами, которых, разумеется, было недостаточно, чтобы выявить глубину знаний того, кто эти фразы произнес. Я лично, да и большинство студентов и в средних учебных заведениях, и в высших эти педагогические эксперименты не одобряли. И очень хорошо, что скоро с ними было покончено.

В постановлении ЦК ВКП(б) от 25 августа 1932 года указывалось, что «Дальтон-план», или, как его еще тогда называли, «лабораторно-бригадный метод», привел к «извращениям в виде обезлички в учебной работе, к снижению роли педагога и игнорированию во многих случаях индивидуальной учебы каждого учащегося».

Вступил я в партию в 1931 году еще в Борисове. Стать коммунистом мечтал с тех пор, как услышал, что есть такая партия, которая выражает и отстаивает интересы народа, а это было в те годы, когда начал понимать разницу между бедняком и помещиком, между рабочим и капиталистом. Получил я партийный билет незадолго до отчетного собрания. А на нем меня, молодого коммуниста, сразу же избрали секретарем партийной ячейки.

Партийная работа захватила меня. Как и в ранней молодости, когда вступил в комсомол, так и сейчас приходилось работать с людьми, заниматься некоторыми проблемами того времени, находиться постоянно в гуще событий. Только работал уже не с молодежью, а с людьми взрослыми, разбиравшимися в жизни, в политике партии, – коммунистами.

Члены партии в тот период – впрочем, как и во все периоды истории нашего государства – были впереди, на самых важных, самых трудных участках. Мы не только вели разъяснительную работу, не только агитировали за политику партии. Тогда главной темой была коллективизация

² «Д а л ь т о н – п л а н» – назван по имени городка в штате Массачусетс (США), где было впервые внедрено обучение в школе по новому методу. (Примеч. ред.)

сельского хозяйства. Мы первыми шли на субботники и воскресники; когда надо, заготавливали дрова, разгружали вагоны, нас бросали туда, где требовались рабочие руки. С энтузиазмом мы брались за любое дело, на которое нас посылали. И никогда не гнушались никакой работой, не стеснялись ее. Партия, комсомол понимали трудности и поддерживали огонь коммунистической убежденности в молодых сердцах, преданных делу Ленина, делу народа.

Стипендию нам давали небольшую. Несмотря на трудности, я вспоминаю о том периоде с теплотой, хотя бы уже потому, что тогда была построена наша семейная жизнь с Лидией Дмитриевной Гриневич, студенткой, дочерью белорусских крестьян. Родом она из деревни Каменки, чуть западнее Минска.

Обратил я на нее внимание случайно, а потом уже не думать о ней не мог. А мысли, как, вероятно, часто бывает в таких случаях, понеслись в определенном направлении: «Мне уже перевалило за двадцать. Пора подумать о том, как жить дальше».

Решения в таком возрасте, да еще и по таким вопросам, принимаются иногда с быстротой молнии. Я не был исключением. Быстро с ней познакомился.

Покорили меня красота, скромность, обаяние и еще что-то неуловимое, чему, возможно, нет и названия. Это, как мне кажется, – самое эффективное «оружие» женщины, и от него, наверное, мужчина никогда не научится обороняться. А может, и хорошо, что не научится. Тысячи дарвинов и ученых-психологов не смогут объяснить, откуда у женщины появляются такие качества. Это – тайна самой чародейки-природы.

Мы бродили ночи напролет, а они в конце весны – начале лета уже короткие. Ощущение было такое, будто несло нас, стремглав, куда-то все дальше и дальше на какой-то волшебной колеснице. В ту студенческую пору мы и поженились.

На первых порах, конечно, нам было трудно. Однако через некоторое время мы устроили все свои дела, в том числе и квартирные. К родным ездить приходилось все реже.

Из времен молодости помню некоторые эпизоды. Хотя они сами по себе мелкие, но все же проливают какой-то свет на тогдашнюю обстановку.

Студентам надоедало скудное питание. Они иногда в складчину покупали продукты на базаре, отдавая за это чуть ли не всю свою месячную стипендию, чтобы хоть два-три дня в месяц, но по-настоящему насытиться. Справедливо можно спросить: на что же они жили после этого?

А вот так и жили. Делились друг с другом тем, что иногда присылали родные. По вечерам подрабатывали. Или порой устраивались даже так: один продавал вроде бы «лишнее пальто», другой – вроде бы «лишние ботинки», третий еще что-то придумывал, называя «лишним». И так, помогая друг другу, выходили из положения. Брали верх молодость и энтузиазм.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.